

15876.

IX, 979.

1888.

1895.

Гимназія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VIII

М а й 1895 LXXXIX

Содержаніе

1. О. Вабнеръ, Сувалки. Нѣсколько словъ объ употребленіи учениками печатныхъ переводовъ.
2. Frönlisch. Воспитательное обученіе. Перевелъ Н. Кузнецовъ, Ставрополь.
3. Л. Гиттерманъ, Бахмутъ. О литературной дѣятельности Писистрата.
4. Мысли великихъ людей о воспитаніи: Н. Пироговъ.

Приложенія

5. М. Демковъ. Исторія русской педагогіи. Стр. 53—96.
6. Я. А. Коменскій. Великая дидактика (прод.).
7. В. Межовъ. Педагог. библіографія. №№ 5096—5813.

Слѣдующая книга «Гимназіи» (за іюнь и іюль) будетъ разослана
Г. г. подписчикамъ въ концѣ іюля.

Сотрудники „Гимназиі“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.).
 — В. Покровский (дир. пр.).
 Балтійскій-Портъ. Свящ. I. Регема.
 Бахмутъ. Л. Гиттерманъ.
 Болховъ. М. Лисицынъ.
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Варшава. И. Ельсинъ.
 — В. Истоминъ (дир. гимн.).
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух. уч.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостоку. К. Котельниковъ (прог.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (гимн.).
 Екатеринославъ. П. Козловскій (г.).
 Елабуга. В. Павловскій (дир. р. у.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. уч.).
 Измаилъ Ю. Стовикъ (дир. прог.).
 Казань. Г. Горгаловъ (г.).
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — П. Черняевъ (г.).
 Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
 — Д. Любимовъ (г.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Карачевъ. А. Овсднниковъ (прог.).
 Кіевъ. А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 — А. Ярепъ (К. П. Г.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кутаисъ. С. Боршевскій (г.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Лубны. С. Чемолосовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитриевскій (г.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Аппельротъ (пр.-д. ун.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — Э. Черный (г.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Николаевъ. А. Солонику (гимн.).
 Новый Вутъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Браккенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Острогожскъ. К. Турчаковскій (д. пр.).
 Пенза. П. Горницкій (гимн.).
 Полацкень. П. Пользинскій (прог.).
 — М. Преображенскій (прог.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. Е. Вегнекъ (г.).
 — И. Кальнинъ (г.).
- Ревель. Н. Кораблевъ (гимн.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — И. Сиполь (г.).
 — Н. Херасковъ.
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайцъ (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. Д. Муравьевъ (пр.).
 Рязань. П. Коцеволевскій (г.).
 Слуцкъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовъ (г.).
 — А. Григорьевъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — В. Кораблевъ.
 — В. Латышевъ.
 — А. Маленинъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — В. Сланскій.
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — В. Янчевецкій.
 — Д. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофеевъ (г.).
 Сувалки. О. Вабнеръ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірейскій.
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — М. Зданевичъ (г.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 — Э. Фехнеръ (г.).
 Троицкъ. М. Вужъ (г.).
 — И. Тихомировъ (дир. г.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Харьковъ. В. Краевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харціевъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царицынъ. П. Черняевъ (гимн.).
 — Е. Арбатскій (гимн.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 Царское-Село. С. Цыбулевскій (гимн.).
 Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. Ю. Галабутовъ (г.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

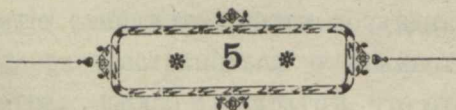
ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VIII

LXXXIX

1895

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій»

1895

RIESEN

ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

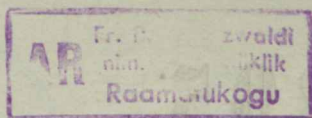
НИКОЛАЙ И ПЕТРОВИЧ

Въ виду того, что въ настоящемъ изданіи журнала
не содержатся статьи, имѣющія политическое
или религіозное значеніе, и не имѣющія
цѣли возбужденія розни между различными
сословіями, то журналъ сего дозволено
печатать и распространять.

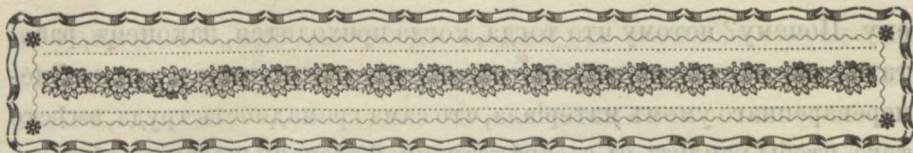
Доволено цензурою. — Ревель, 28-го іюня 1895 года.

ТОМЪ VII

ВЪЗНЕСЕН

65.639

Нѣсколько словъ объ употребленіи учениками печатныхъ переводовъ.

О. Вабнеръ, Сувалки:

Каждая школа старается достигнуть своей научной цѣли тѣмъ, что учитель въ ней учитъ, а ученикъ учится. И только такимъ обоюднымъ трудомъ она правильно и можетъ ее достигнуть. Понятно, чѣмъ совершеннѣе будетъ онъ съ одной и другой стороны, тѣмъ вѣроятнѣе и полнѣе будетъ и результатъ. Главное совершенство труда учительскаго, спорить нечего, основывается на томъ, чтобы каждую часть ученія каждому изъ учащихъ сдѣлать совершенно понятною и для усвоенія возможною, а самый предметъ по возможности привлекательнымъ; совершенство труда ученическаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ умѣннн воспринимать и усваивать то, что ему въ доступной формѣ преподано. Но на чемъ основывается это именно умѣніе, или, другими словами, что составляетъ необходимую связь между трудомъ учителя и ученика? — Постепенное, соотвѣтственное развитіе самодѣятельности послѣдняго.

Не будемъ распространяться о важности этого ученическаго достоинства. Скажемъ вкратцѣ, что отсутствіе или усыпленіе этой стороны ученической природы дѣлаетъ иногда, скорѣе или позже, но во всякомъ случаѣ неминуемо, умственный прогрессъ даннаго индивидуума невозможнымъ, даже въ томъ случаѣ, когда запасъ умственныхъ способностей не мѣшалъ бы

ему. Почему? потому что тогда, когда приходится, наконецъ, работать самостоятельно, набралось уже столько недоимокъ, столько неперевареннаго умомъ матеріала, что сама громадность труда, вмѣсто того, чтобы усилить въ соотвѣтственной степени желаніе работать, притупляетъ его. И неудивительно: человѣкъ вообще не чувствуетъ влеченія къ труду, а тѣмъ болѣе къ превосходящему его силы. И такъ, непривычка и неумѣніе самостоятельно работать въ результатѣ дѣлаютъ исполненіе труда невозможнымъ.

Дѣло естественно: въ умственной области человѣческой жизни то же самое правило, что и въ физической.

Не разовьешь членовъ, какъ слѣдуетъ, въ дитяти, труднѣе это сдѣлать въ мальчикѣ, еще труднѣе въ юношѣ и невозможно въ уже вполнѣ окрѣпшемъ и совсѣмъ переставшемъ развиваться тѣлѣ мужчины. Если же это такъ, если самостоятельность ученическаго труда такъ сильно обусловливаетъ успѣшность учащихся, очевидно, что задача школы заключается и въ томъ, чтобы устранять всѣ препятствія, замедляющія или даже убивающія развитіе умственной самостоятельности, а напротивъ, изыскивать всѣ средства, способствующія ея развитію, соотвѣтственно тому, что Цицеронъ сказалъ о памяти, а именно: *memoria minuitur, nisi eam exerceas.**)

Въ виду такой задачи школы, важенъ вопросъ, что именно слѣдуетъ отнести къ первой ея половинѣ, что ко второй? Дѣйствительно, есть въ школьной жизни вещи, которыя такъ рѣшительно можно раздѣлить, т. е. за одними признать безусловно положительное, за другими отрицательное вліяніе на развитіе ума, самостоятельности и успѣшности учащихся. Но кромѣ тѣхъ и другихъ, есть еще вещи средняго значенія, вещи, которыхъ нельзя причислить къ безусловно вреднымъ или къ безусловно полезнымъ. Къ такимъ именно принадлежитъ воцарившееся нынѣ повсюду употребленіе учениками готовыхъ печатныхъ переводовъ съ изучаемаго языка на русскій. О нихъ именно предстоитъ намъ сказать нѣсколько словъ.

Итакъ, употребленіе учениками печатныхъ

*) De senectute c. VII.

переводовъ, по нашему взгляду, нельзя назвать ни безусловно вреднымъ, ни безусловно полезнымъ.

Въ такомъ случаѣ натываемся на вопросъ: какія стороны, однако же преобладаютъ въ этомъ: хорошія ли, дурныя ли? Но и на этотъ вопросъ отвѣтъ короткій и рѣшительный невозможенъ. И дѣйствительно, все тутъ зависитъ отъ обстоятельствъ. Если переводъ вѣрно передаетъ мысли автора; если мысли эти выражены соотвѣтственнымъ правильнымъ языкомъ; если ученикъ во время приготовления заданнаго на домъ устнаго перевода извѣстнаго отрывка, заглядывая въ вышеописанный печатный переводъ, не ограничивается этимъ, а старается вполнѣ уразумѣть слова автора и разработать лексическую сторону классическаго текста, не пренебрегая ни грамматикою, ни лексикономъ, ни прочими пособиями: развѣ тогда можно назвать употребленіе готоваго перевода безусловно вреднымъ? Развѣ тогда наравнѣ съ грамматикой, лексикономъ и пр. не принадлежитъ и печатный переводъ къ средствамъ, облегчающимъ умственный трудъ учащагося; къ которымъ въ правѣ прибѣгать каждый человѣкъ — къ средствамъ, способствующимъ просвѣщенію ума? Особенно же важно это при чтеніи авторовъ, назначаемыхъ или рекомендуемыхъ ученикамъ для домашняго чтенія. Наоборотъ, если печатный переводъ не отличается вышеупомянутыми достоинствами, или, если ученикъ, пріобрѣвшій даже и безукоризненный переводъ, ограничивается только механическимъ чтеніемъ его, не сличая его самостоятельно съ текстомъ и не разрабатывая послѣдняго лексически: тогда, конечно, употребленіе печатнаго перевода безспорно вредно, ибо не только не ускоряетъ изученія даннаго классическаго языка, какъ ключа къ самостоятельному пониманію литературныхъ сокровищъ древняго міра, а, напротивъ, замедляетъ даже.

Полезьа или вредъ отъ употребленія печатнаго перевода — вещь условная. Однако никакой аргументъ, по всему вѣроятію не докажетъ лучше позволительности употреблять печатный переводъ, чѣмъ тотъ: употребляютъ его во всей Европѣ; упо-

требляютъ его и сами преподаватели». Но преподаватель знаетъ, какъ пользоваться переводомъ, — знаетъ, какой приобрести. Да! къ этому только и можно свести сегодня уже безпредѣльно распространившуюся торговлю переводами. Приходится уже не запрещать покупать переводъ: (это сверхъ силъ всякой школы), а совѣтовать купить, если ужъ купить, то самый лучший. И вотъ, въ томъ именно лежитъ сегодня немаловажная задача преподавателей тѣхъ классовъ, въ которыхъ учительскій трудъ съ ними уже начинаютъ раздѣлять и печатные переводы, чтобы, избравъ лучшей по достоинству, указать его желающимъ приобрести такого рода пособіе. Если употребленіе печатныхъ переводовъ принять за «*malum necessarium*», то во всякомъ случаѣ лучше сдѣлать послѣднее, какъ можно меньшимъ.

Однако же и рекомендовать слѣдуетъ условно, а именно съ обязанностью внимательно сравнивать печатный переводъ съ тѣмъ, который будетъ выработанъ въ классѣ. Я даже не считалъ бы вреднымъ совѣтовать исправлять печатный переводъ, гдѣ въ немъ окажется недостатокъ, сообразно съ тѣмъ, какъ составленъ устный переводъ въ классѣ. Иногда, сколько я могъ прослѣдить, дѣлаютъ это ученики по собственному побужденію. Само собою понятно, исправленіе можетъ производиться только дома, такъ какъ, несмотря на уступку пользоваться печатными переводами, въ классѣ ученикъ долженъ являться только съ авторомъ и своею головою. Конечно, въ такомъ положеніи дѣла необходимо учителю напрягать всѣ силы, дабы свой авторитетъ ставить выше печатнаго перевода. Стоять съ нимъ только на одной высотѣ — этого мало: это уже ослабляетъ интересъ къ уроку; а ниже — это значить уничтожить все значеніе, всю привлекательность учительскаго труда и урока. Ученикъ только такъ долго живѣе интересуется моментомъ, посвященнымъ переводу автора въ классѣ, пока онъ недовѣрчиво относится въ приобретенному имъ печатному переводу. И вотъ въ чемъ заключается все искусство со стороны преподавателя, желающаго возбудить вниманіе учениковъ къ своему уроку: умѣть поддерживать эту недовѣрчивость, умѣть оживить у учащихся любопытство узнать, правильно ли они разгадали

смысль автора даже при помощи печатнаго перевода; въ соотвѣтственную ли форму облекли мысли? Конечно, задача такая требуетъ нѣкотораго труда и со стороны преподавателя. Пока, однако же, дѣло не слишкомъ трудно. Не говоря уже о такъ называемыхъ подстрочникахъ, которые ни къ чему не годятся и дѣйствительно вредны для умственнаго развитія, даже многіе изъ лучшихъ переводовъ по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которые мнѣ случилось видѣть у учениковъ, заключаютъ въ себѣ столько значительныхъ недостатковъ, что преподавателю стоитъ небольшого труда обнаружить ихъ для того, чтобы возвысить свой учительскій авторитетъ. Иногда даже трудно себѣ представить, какъ такого рода переводы осмѣлились съ открытымъ лицомъ проникнуть въ среду людей, ищущихъ свѣта науки. Забудемъ уже о древнихъ языкахъ, знаніе которыхъ, если судить по такимъ переводамъ, оказывается весьма слабымъ у переводчиковъ, но они убиваютъ всякую здравую логику въ молодой головѣ. И увы! за это нужно еще платить дорого, — дороже, чѣмъ за самого классическаго автора. Но напрасно негодованіе, если не укажемъ, на чемъ оно основывается. — Да! представимъ образцы, — чего? Того, какъ можно смѣло брать рубль за мѣшокъ нелогично, абсурдно склеенныхъ сентенцій. Однако же мой разсмотрѣть представляетъ только бѣглые наброски, собираемые по мѣрѣ того, какъ я успѣваю отнимать у учащихся печатные переводы, приносимые въ классъ вопреки моему строгому запрещенію. Но, и этого, надѣюсь, будетъ довольно.

Заглянемъ прежде всего въ такой, который озаглавленъ: «К. Салюстій Криспъ. Текстъ, подстрочный переводъ и примѣчанія по нѣмецкимъ источникамъ для учащихся безъ помощи учителя». Посмотримъ даже только на верхъ его содержимости т. е. на 20 первыхъ главъ «заговора Катилины».

Что касается латинскаго текста, то, кажется ужъ, чего легче, какъ перепечатать его по другому хорошему изданію? Между тѣмъ и съ этой стороны вышеназванное изданіе не свободно отъ укора, вслѣдствіе позорныхъ ошибокъ. Къ нимъ относится, во первыхъ, ложное употребленіе знаковъ препинанія. Погрѣшности главнымъ образомъ касаются запятой.

Чтобы слишкомъ не распространяться, скажемъ, что не видно никакой послѣдовательности въ употребленіи этого знака: въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ разъ есть запятая, другой разъ ея нѣтъ, не говоря уже о томъ, что даже передъ придаточными предложеніями она иногда пропускается. (См. страницы 14, 18, 22, 24, 28, 30); во вторыхъ, замѣчается ложное дѣленіе словъ, напр. *bel-uis* вм. *belu-is*, cap. 1, *prius quam* вм. *priusquam* (или *prius, quam*) cap. 1 и 13; *exi-stumo* вм. *ex-istimo*, cap. 4; *adules-centia* вм. *adule-scentia*, cap. 4. 7; въ третьихъ, грубѣйшія опечатки, напр. *aliud clausam* вм. *a. clau-sum*, cap. 10; *alliis* вм. *aliis*. с. 13; *patrialaceraverat* вм. *patria laceraverat* cap. 14; *colos exsanguis* вм. *color exsanguis*, cap. 15; *in exstruendo mari* вм. *in extrudendo mari*, cap. 30; *quac post ea orta est* вм. *quac postea orta est*, cap. 22 и пр. Примѣчаній, «составленныхъ по нѣмецкимъ источникамъ», обѣщанныхъ переводчикомъ на первой страницѣ, въ цѣлой книгѣ нѣтъ ни слѣда. Это, конечно, не совсѣмъ благородно, потому что за нихъ платять; хотя, если бы они не выше стояли перевода, потеря нечувствительна.

Остается самая важная сторона этого классическаго изданія—переводъ. Названъ онъ составителемъ «подстрочнымъ» совершенно ложно. Подстрочнымъ собственно можно назвать переводъ только въ родѣ французскихъ, гдѣ каждое слово отдѣльно переведено, что, впрочемъ, вещь совершенно бесполезная, почему у французовъ подъ такимъ переводомъ сейчасъ и печатается переводъ связный, изящный. И только развѣ въ такомъ соединеніи можетъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе и переводъ дословный или подстрочный. Слѣдовательно, рассматриваемый переводъ—это переводъ уже связный, претендующій на имя литературнаго, изящнаго. Но какъ же ему далеко до такого притязанія, когда въ немъ отсутствуетъ первѣйшее условіе того, что называемъ переводомъ: точность пониманія текста и вѣрность передачи. Нѣтъ почти ни одной главы, въ которой нельзя было бы уличить переводчика въ ложномъ пониманіи или неточной передачѣ мысли автора. Начнемъ съ первой; но, чтобы сократить трудъ

и сберечь время, такъ какъ не трудно тому, кто интересуется предметомъ, отыскать въ авторѣ соотвѣтственное мѣсто текста, будемъ приводить послѣдній развѣ въ крайнемъ случаѣ. И такъ:

Гл. 1. Переведено: «прежде чѣмъ начнешь (что?) надобно подумать, и (,) когда подумаешь, нужно дѣлать свое-временно». Что при этомъ, спросимъ мы со своей стороны, подумаетъ голова молодого читателя? Врядъ ли то, что латинскій авторъ думалъ, а именно: «прежде чѣмъ начать дѣло, надо его обдумать, — обдумавши, скоро исполнять».

Гл. 2. *reges diversi . . . . . exercebant* переведено: «цари противоположныхъ свойствъ упражняли . . . . .» То же самое «*diversi*» въ гл. 28 могло объяснить переводчику, что оно значить, а именно: «въ различныхъ мѣстахъ» или «въ различное время» *). Тамъ же (гл. 2) «власть (пропущено «верховная») переходитъ отъ менѣ достойнаго ко всякому болѣе достойному». Стало быть можетъ найтись много такихъ «всякихъ» въ странѣ въ одно время? Нѣтъ; это только по мнѣнію переводчика; авторъ же говоритъ: «и такъ верховная власть переходитъ каждый разъ именно къ превосходнѣйшему». Нужно было, конечно, обратить вниманіе на компаративное значеніе мѣстоименія «*quisque*».

Гл. 3 «Когда я отличался безукоризненной нравственностью отъ прочихъ, тѣмъ не менѣ меня волновало стремленіе къ почести.» Что въ этомъ дурного? И авторъ этого не раздѣляетъ, ибо онъ говоритъ совершенно другое: «хотя я избѣгалъ прочихъ дурныхъ обычаевъ, однако же меня беспокоила жажда къ почтамъ и (прибавляетъ онъ) то же самое, что и другихъ, желаніе извѣстности и зависть». Гл. 4 переведено: «Я постановилъ описать дѣянія римскаго народа отрывочно и что казалось достойнымъ памяти» вм. «я п. о. д. р. н. эпизодически по мѣрѣ того, какъ что-либо казалось мнѣ заслуживать памяти.»

Гл. 5. «*cuius rei libet simulator et dissimulator*» переведено: «въ дѣлѣ, которое ему нравилось, лицемѣръ и притворщикъ».

*) Справ. *bel. ing.* с. 55, 7: «*diversi agebant*».

Странное лицемѣріе и притворство! Но къ счастью авторъ говоритъ резоннѣе: умѣющій притворяться и скрываться, въ какомъ угодно т. е. во всякомъ обстоятельстве (Tmesis *vm. simulator cuiuslibet rei*).

Пропуская менѣе важное, укажемъ еще только на болѣе крупное.

Гл. 11. «domum alius, alius agros cupere» переведено безтолково: «(начали) страстно желать чужого дома и полей другого!» То и другое въ одно время было бы много, поэтому эти слова автора имѣютъ болѣе скромное значеніе, а именно: одинъ страстно желалъ имѣть домъ, другой поле. «Alius» здѣсь *Nominativus*.

Гл. 13. Въ серединѣ не переведено одно цѣлое предложеніе, а дальше *vm.*: «смотря по тому, къ чему у кого пылала страсть сообразно съ возрастомъ», переведено совершенно безъ толку: «чтобы у каждого пылала страсть соразмѣрно съ лѣтами.»

Перейдемъ къ главѣ, назначенной предѣломъ нашему разбору:

Гл. 20. «Если бы мнѣ не были очевидны ни ваша доблесть, ни ваша вѣрность, тщетно выпалъ бы намъ благопріятный случай, великая будущность, необъятная власть тщетно были бы, и я не по трусости (лѣни) или по злонамѣренности искалъ бы невѣрнаго вмѣсто вѣрнаго». Кто жъ повѣрилъ бы, что эта неурядица должна значить: «Если бы я не зналъ по опыту вашего мужества и вашей вѣрности, напрасно послужилъ бы намъ удобный случай, напрасно мы обладали бы великою надеждою и силой; я даже не затѣивалъ бы неизвѣстнаго вмѣсто извѣстнаго при помощи малодушныхъ и ненадежныхъ лицъ».

Ниже перев.: «гдѣ становишься игрушкою» *vm.* «когда (ты) сдѣлаешься игрушкою». — «*Omnia consenuerunt*» перев. «все сокрушено» *vm.* «все стало дряхлымъ». *Vm.* «не могутъ исчерпать богатствъ» сказано: не могутъ побѣдить богатствъ.» *Vm.*: о томъ же самомъ я, какъ надѣюсь, съ вами буду переговаривать, будучи консуломъ, если только душа меня не обманываетъ, и если вы готовы скорѣе властвовать, чѣмъ рабство-

вать», переведено: «Это самое, какъ надѣюсь, съ вами вмѣстѣ сдѣлаю, какъ консуль, если только душа меня не обманываетъ, и вы готовы болѣе рабствовать (!) чѣмъ повелѣвать».

Но довольно о переводѣ Саллюстія. Обратимся къ другому «фабрикату», съ огромнымъ трудомъ созданному Клевановымъ. Онъ озаглавленъ: «Рѣчь Цицерона за Секста Росція Американскаго».

Но, чтобы пощадить свои силы для дальнѣйшаго труда, котораго, дѣйствительно, всегда мало для того, чтобы понимать такого рода непостижимыя литературныя работы, ограничимся приведеніемъ маленькой части названной рѣчи Цицерона. Это начало начала, т. е. начало «содержанія» самой рѣчи. И пусть никто не подумаетъ, что это какое-либо издѣвательство. Этотъ одинъ отрывокъ—это характеристика цѣлой работы. Въ такомъ тонѣ, какъ онъ, такимъ же стилемъ переведена вся рѣчь, съ прибавленіемъ еще той черты, что иногда обнаруживается полное непониманіе словъ, какъ напр. «contínuo» нарѣчіе принято за глаголь «продолжаю» (сар.³³).

Вотъ упомянутое мѣрило прекрасной рѣчи Цицерона: «Когда отецъ Секста Росція, за котораго произнесена была рѣчь, ночью съ ужина возвращаясь, убитъ — Груціей (?) — сына въ злоумышленномъ отцеубійствѣ передъ М. Фанніемъ преторомъ, онъ же и слѣдователь въ консульство Л. Суллы второй разъ и К. Метелла (въ 674 г. отъ построенія г. Рима) по наущенію отпущенника Хризогона Суллы отпущенника».

По проглотеніи такого отрывка отзываются логическія колики въ цѣломъ существѣ человѣческаго духа; поэтому вѣроятно не трудно повѣрить, что уже сами ученики съ неудовольствіемъ киваютъ головою на такую работу. И если бы она была одна только подписана именемъ того же переводчика! Но такихъ продуктовъ такъ много! а всѣ они, такъ сказать, одного чекана. А какъ же становится жалко, если прочитать, что сказано этимъ же переводчикомъ въ предисловіи къ переводу сочиненія Цицерона «Объ обязанностяхъ» (стр. VII), а именно: «Сочиненіе Цицерона о долгѣ написано, какъ и всѣ философскія сочиненія его писаны, языкомъ самымъ понят-

нымъ и доступнымъ пониманію каждаго», — а потомъ, что шагъ—встрѣчать не то что нестилистическіе, а просто темные и непонятные періоды.

Въ первомъ изъ разбираемыхъ переводовъ Клеванова, я привелъ отрывокъ изъ самаго начала, изъ перевода же «объ обязанностяхъ» посмотримъ конецъ, чтобы дѣйствительно и покончить съ переводами, подписанными этою фирмою. Вотъ мѣсто изъ послѣдней главы послѣдней т. е. III-ей книги: «Но, какъ если бы я самъ прибылъ въ Аѳины, что сдѣлалось бы, если бы меня изъ самой середины бѣга яснымъ (звучнымъ) голосомъ отечество не возвратило бы, то нѣсколько услыхалъ бы и меня.» И конецъ? спросить кто-либо. Да, дѣйствительно точка и конецъ нестилистическаго, неконченнаго и непонятнаго предложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ нашего обзора переводовъ Клеванова.

Перейдемъ къ другой фабрикѣ классическихъ переводовъ. У меня подъ рукой отнятый у ученика за то, что былъ принесенъ въ классъ: «Переводъ Второй Пѣсни Энеиды Вергилія». Съ подстрочнымъ словаремъ и примѣчаніями составилъ его Е. А. Логвиновъ.

Посмотримъ сей «Переводъ второй пѣсни Энеиды Вергилія съ подстрочнымъ словаремъ и примѣчаніями».

Въ самомъ началѣ пѣсни (ст. 3—10) читаемъ: «ты приказываешь, царица, возобновить невыразимую боль, какъ Данайцы разрушили мощь троянскую и достойное оплакиваніе царства и тѣ великія бѣды» и т. д. Не говоря уже о русской стилистикѣ, но, гдѣ здѣсь логика? гдѣ здравый смыслъ? Какъ данайцы разрушили мощь троянскую, это, конечно, можно понять; но врядъ ли кто сумѣетъ себѣ представить, какъ они разрушили и «достойное оплакиваніе царства и тѣ великія бѣды».... Бѣдная ученическая голова! Какъ ей это ясно понять? Самъ Вергилій, конечно, если бы жилъ теперь и зналъ русскій языкъ, можетъ быть не угадалъ бы, что это должны быть собственныя его мысли.

Желая извѣстное мѣсто сдѣлать болѣе удобопонятнымъ

для учащихся, слѣдуетъ прежде всего провѣрить его интерпункцію, на что при изданіи древнихъ авторовъ къ сожалѣнію обращается мало вниманія (этотъ упрекъ можно сдѣлать отчасти и иллюстрированнымъ изданіямъ Манштейна, какъ, между прочимъ, доказываетъ и разбираемое мѣсто); затѣмъ необходимо перемѣнить поэтической (или вообще искусственный строй мыслей) въ логично грамматической. Въ такомъ случаѣ разбираемое мѣсто представится ученикамъ въ слѣдующемъ видѣ: Regina, iubes (me) renovare infandum*) dolorem. Quis Myrmidonum Dolorumve aut (quis) miles duri Ulixis temperet a lacrimis, fando (narrando=narrans) talia, ut (=quo-modo) Danai eruerint Troianas (=Troianorum) opes et lamentabile regnum et (fando) ea miserrima, quae ipse (ego) vidi et quorum pars magna fui.

Такой приемъ, кажется, такъ упрощаетъ смыслъ мѣста, что ученику VI кл. совершенно не нужно прибѣгать къ какой-либо искусной помощи въ родѣ безтолковаго перевода и приучаетъ его къ необходимой умственной гимнастикѣ, развитіе которой безусловно нужно для пользы дѣла.

Тогда окажется, что мѣсто это слѣдуетъ переводить напр. такъ: «Царица, ты заставляешь меня возобновить боль, которой не слѣдовало бы воспоминать. Кто изъ Мирмидоновъ и Долоповъ, какой даже воинъ жестокосерднаго Улисса могъ бы воздержаться отъ слезъ при рассказѣ о томъ, какъ Данайцы разрушили могущество и достойное сожалѣнія царство Троянцевъ, и о тѣхъ величайшихъ бѣдствіяхъ, которыя я самъ видѣлъ и въ значительной степени раздѣлялъ».

Нѣсколькими строками ниже разобраннаго мѣста читаемъ: «уже влажная ночь стремится (нисходитъ) съ неба, и заходящія звѣзды побуждаютъ ко сну». Что за новость!

До сихъ поръ ученики были убѣждены, что, когда наступаетъ ночь, то звѣзды развѣ восходятъ, а не заходятъ. Нѣтъ — это не такъ, а «cadentia sidera» это у поэта cadens sidus=

*) О «infandum» говоритъ комментаторъ Lervius: «quia viro forti victum se dicere et doloris est et pudoris». Точно также понимаетъ «infandum» и Donatus. Срав. Аен. 4,85 и 613; 7,583; 8,5787; 12,804; Ср. nefandum, nefarium.

occidens sol, вслѣдствіе чего получаемъ натуральный смыслъ: «заходящее солнце зоветъ къ ночному отдыху».

Между ст. 15 и 20 читаемъ: «и вставляють бока изъ разсѣченной ели». Отчего же не: «и выполняютъ ребра порѣзанною для этого елью»?

Ниже: «этотъ слухъ распространяется». Какой? Не было рѣчи о слухѣ.

Ea fama vagatur значитъ здѣсь по латинской стилистикѣ то же, что *eius rei fama vagatur*, стало быть слухъ объ этомъ (т. е. о томъ, что было прежде рассказано) распространяется.

Между 20 и 25 стих. читаемъ: «и вплоть наполняютъ огромныя пустыя пространства и чрево».... Стало быть наполняютъ двѣ вещи? Нѣтъ! *cavernas ingentes uterumque* по латинской стилистикѣ это *ἐν δὲ ἀδούτῳ* = *cavernas ingentes uteri* т. е. огромную яму чрева». Ниже: «сюда приставши, они скрылись на оставленномъ берегу». Какъ это понимать? Оставили ли берегъ и, оставивши его, скрылись на немъ? Но! такого искусства никакой фокусникъ не исполнить. Понятно будетъ мѣсто, если «*deserto*» примемъ, какъ должно быть, въ значеніи «пустынный» или «безлюдный». Итакъ: греки скрылись на безлюдномъ берегу (конечно, чтобы кто-либо не далъ знать троянцамъ).

Не думаемъ, чтобы нужно было приводить больше погрѣшностей для оцѣнки такого перевода, въ 25-ти стихахъ котораго можно указать столько недостатковъ. Слѣдуетъ только еще обратить вниманіе на словарь и примѣчанія. Въ томъ и въ другомъ множество опечатокъ; примѣчанія же сверхъ того, часто безцѣльны: или даютъ не то, что болѣе заслуживало бы объясненія, или не въ такомъ видѣ, какъ бы слѣдовало.

Вергилія удостоили своего труда еще и другіе переводчики. Я замѣтилъ у учениковъ переводъ VII, VIII и IX книги, который составили общимъ трудомъ И. Горовый и Е. Котляръ съ присоединеніемъ подстрочнаго словаря и примѣчаній. Переводъ стоитъ не дорого — всего 1 руб. сер.!

Первые пять стиховъ VII пѣсни переведены переводчиками

такъ: «И ты, Каста, кормилица Энеева, умирая, оставила на нашихъ берегахъ вѣчную славу, и теперь живетъ память о тебѣ и имя, данное городу, если только это есть слава, — указываетъ на твои кости въ великой Гесперіи». Это, казалось бы, довольно гладко и исправно; но, что логическій смыслъ значительно расходится съ текстомъ, постараемся выказать слѣдующей передачей его: «И ты, Каста, смертью своею приобрѣла вѣчную извѣстность нашимъ берегамъ; и теперь еще хранится честь къ тебѣ въ этомъ мѣстѣ, ибо его названіе — если это считать какою-либо славою — напоминаетъ, что могила твоя въ Великой Гесперіи.»

Но это еще менѣе замѣтная неточность перевода. Сейчасъ увидимъ совершенно непонятную передачу текста. Приведемъ напр. ст. 68—70: «мы видимъ, что приходитъ иноземецъ, и отрядъ устремляется изъ тѣхъ же странъ въ эти.» Какъ это понимать? Изъ какихъ странъ въ какія? Не яснѣе ли будетъ такъ: «видимъ, какъ идетъ къ намъ иноземецъ и рой людей изъ его же земли стремится по одному съ нимъ направленію; видимъ, какъ они занимаютъ высокій нашъ кремль.» (Сравненіе тамъ съ роємъ пчель.)

Ст. 81. Слова: *rex... oracula adit lucosque sub alta consulit Albunea*, гдѣ очевидно по смыслу *lucosque* принадлежитъ къ *adit oracula* (ἐν δὲ δούῳ) вм. *adit oracula luci* = *in luco*), а *consulit* (sc. *oracula luci*), какъ *asyndeton*, къ *adit* переведено: «царь отправляется къ оракулу и совѣтуется съ священными рощами около высокой Албуны.» Зачѣмъ же ходить къ оракулу, если совѣтъ можно было найти у рощи? Вотъ какой логическій вопросъ вызываетъ будто дословный, но нелогичный переводъ. Между тѣмъ въ виду нашего стилистическаго объясненія смыслъ выходитъ естественный: «царь отправляется къ оракулу въ рощѣ около высокой Албуны и вопрошаетъ его.»

Конечно, неточность перевода произошла отъ несоблюденія стилистической стороны латин. языка.

Сейчасъ затѣмъ (ст. 85—95) читаемъ такой рассказъ: «Здѣсь (т. е. въ священной рощѣ) италійскіе города и вся эпотрійская земля въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ищутъ

отвѣта. Когда жрецъ принесъ дары и въ тихую ночь легъ на разосланныхъ кожахъ зарѣзанныхъ овецъ и искалъ сна, то видитъ множество призраковъ, носящихся удивительнымъ образомъ, и слышитъ различные голоса и наслаждается разговорами съ богами и разговариваетъ съ Ахеронтомъ въ глубокомъ Авернѣ. Тогда здѣсь самъ отецъ Латинъ, прося отвѣта, приносилъ по обряду въ жертву сто покрытыхъ шерстію овецъ и лежалъ на спинѣ на разосланныхъ ихъ (овецъ) шкурахъ. Изъ глубины рощи раздался внезапно голосъ».

Соблюдая разницу поэтического латинскаго яз. и общую латинскую стилистику, а равно и вѣрность мысли, сей отрывокъ должно бы передать приблизительно такъ: «Изъ этого мѣста, въ сомнительномъ положеніи, получаютъ совѣтъ италійскіе народы всей Эпотрии, а именно, когда сюда жрецъ принесетъ (священные) дары, когда онъ, принеши въ жертву овецъ, ляжетъ, съ наступленіемъ ночи, на разостланныхъ ихъ шкурахъ, и ждетъ сна, тогда онъ видитъ, какъ летаетъ множество призраковъ чудеснаго рода, слышитъ различные голоса, и самъ также вступаетъ въ бесѣду съ богами и говорить съ нимъ Ахеронтъ изъ глубины Авернскаго озера. Здѣсь именно и самъ отецъ Латинъ, желая получить совѣтъ, по обряду убилъ сто руноносныхъ овецъ, и собирался спать, легши на спинкахъ ихъ разостланныхъ шкуръ, какъ вдругъ изъ глубины рощи раздались слова».

Стихи 109—116, заключающіе столь важный моментъ въ исполненіи рокового предсказанія, согласно которому товарищамъ Энея предстояло скушать и столы своего пира, т. е., какъ оказалось, подкладки подъ яства, переведено такъ, что трудно впоследствии понять и само исполненіе, выраженное въ ст. 116: «*heus etiam mensas consumimus*». Стихи эти переведены такъ: «и кладутъ на траву пшеничный хлѣбъ для обѣда — такъ дѣлать совѣтовалъ самъ Юпитеръ — а прибавляютъ къ хлѣбу дикіе плоды. Здѣсь, когда съѣли все остальное и когда недостатокъ пищи побудилъ приняться за небольшой хлѣбъ и осквернить рукою и дерзновенными устами роковой пирогъ и не пощадить широкихъ ломтей:

«Увы! мы съѣли даже столы», сказалъ тутъ Іюль». Какіе столы? спросить ученикъ. О столахъ, вѣдь, ничего еще не было сказано, даже намекъ на нихъ нѣтъ никакого. Не будетъ ли это мѣсто немножко понятнѣе, если бы его согласно смыслу текста передать слѣдующимъ образомъ: «и подъ яства они подкладываютъ (*subiciunt epulis*) на травѣ, — такъ предсказывалъ прежде (*ille*—) Юпитеръ — печенія изъ хлѣбной муки и эту хлѣбную подкладку отягчаютъ дикими плодами. Когда же, какъ разъ здѣсь, они съѣли уже все остальное и когда малое количество кушанія побудило ихъ скушать и тонкія хлѣбныя печенія, и съ этой цѣлью прикоснуться рукою, а затѣмъ и дерзкими устами, къ кругу этого рокового пирожного и не щадить широкихъ ломтей его, тогда воскликнулъ Іюль: увы! мы скушали и столы».

Ст. 141—143 переведено: «тогда всемогущій, славный (*clagus*) отецъ трижды прогремѣлъ съ высокаго неба и, потрясая его самъ рукою, показалъ въ эфирѣ облако, пылающее лучами свѣта и золотомъ».

Просимъ обратить вниманіе на подчеркнутыя слова. Въ виду того что *clagus* прежде всего значить то, что нѣмецкое *klar* и благодаря свойству поэтическаго языка; логически здѣсь относится къ *coelo*, что *que* соединяетъ здѣсь экспликативно два глагола: *intonuit ostenditque* (*intonuit nam (=quum) ostendit*); что *quatiens* соединено съ *pubem*, а не съ *coelum*; что *ipse manu=sua manu*, что *radiis lucis et auro*, столь обыкновенный *hendiadis*: пришлось бы тѣ же самые три стиха передать положимъ такъ: «тогда всемогущій отецъ возбудилъ трехкратный громъ высоко на ясномъ небѣ, когда выставилъ подъ эфиромъ облако, сіяющее золотыми лучами свѣта, наводя его собственною рукою». Это, по моему, будетъ не только согласнѣе со смысломъ текста, но и съ физическими законами, вызывающими шумъ т. е. громъ вслѣдствіе разрѣшенія электричества. Итакъ: сколько недостатковъ въ переводѣ однихъ трехъ стиховъ!

Посмотримъ еще одинъ и послѣдній печатный переводъ изъ тѣхъ, которые я поймалъ, какъ контрабанду, въ классѣ.

Это переводъ 1-ой и 2-ой книги одъ Горація со словами и примѣчаніями, составленный А. В. Сахаровымъ. И здѣсь довольно будетъ провѣрить нѣсколько первыхъ одъ, чтобы вполне оцѣнить все достоинства этого труда.

Lib. I. od. 1. «*meta evitata fervidis rotis*» передано словами: «обогнуть призовый столбъ на раскаленныхъ колесахъ». Какъ понимать слово «раскаленныхъ». Вѣдь на раскаленныхъ люди не ѣздятъ. Это положимъ сказано пролептически, но, если принять во вниманіе, что прилагательныя на *idus* замѣняютъ вообще *participium praesentis* менѣ употребительныхъ въ этой формѣ глаголовъ, какъ н. п. *avidus* вм. *avens*, *cupidus* вм. *cupiens*, *providus* вм. *providens*, и т. п., то и *fervidus* надо понимать въ смыслѣ *fervens*, и переводъ тогда будетъ натуральнѣе: «на раскаляющихся (отъ бѣга) колесахъ».

«*Tergeminis (tollere) honoribus*» переведено «великими и почестями»; почему же не буквально «тройными» (эдилъской, преторской, консульской)?

«*Metuens Africum luctantem Icaris fluctibus*» переведено: «напуганный южнымъ вѣтромъ, свирѣпствующимъ на икарійскихъ волнахъ»; слѣдовательно *Icaris fluctibus* переводчикъ принимаетъ за *ablat. loci* — совершенно ложно. Это *dativus*, составляющій гречизмъ, свойственный латинскимъ поэтамъ, какъ н. п. скоро за тѣмъ въ 3-ей одѣ *decertantem aquilonibus* и т. п. Стало быть *Africanus luctans Icaris fluctibus* это «южный вѣтеръ борющійся съ икарскими волнами, что и вѣрнѣе и поэтичнѣе.

«*Indocilis pauperiem pati*» переведено «не желая переносить бѣдности». Какъ же это далеко отъ дѣйствительнаго смысла текста! *Indocilis* никогда не значить «не желая», а *paupertas* не обозначаетъ бѣдности въ такомъ значеніи, какъ здѣсь надо понимать. Большая вѣдь разница между *egertas* и *paupertas*. Однимъ словомъ, переводить слѣдовало бы: «не умѣя жить въ умѣренномъ положеніи».

Это главнѣйшіе недостатки перевода 1-ой оды. Перейдемъ ко 2-ой.

«*Rubente dextra iaculatus*» переведено «грознай десницей поражая». Развѣ изъ такой передачи въ состояніи кто-

либо угадать настоящій смыслъ словъ? Развѣ ужъ не лучше переводить буквально: «багрѣющей» и т. д., если не прибѣгать къ логичному переводу: «метая десницею багряныя молніи»?

Трудно также согласиться на переводъ нѣкоторыхъ другихъ словъ, какъ: *vagus* — непостоянный; *uxorius (amnis)* — преданный женщинѣ; *vitio parentum rara iuventus* — молодежь, рѣдѣющая вслѣдствіе пороковъ родителей (*vitium* здѣсь преступная междоусобная война); *ferrum, quo graves Persae melius perirent* — «железо, отъ котораго скорѣе должны бы были погибнуть суровые персы» вм. «отъ котораго лучше бы должны (теперь!) погибнуть грозные персы».

Совершенно ложно переведены слова: *Acer Mauri peditis vultus cruentum in hostem* — «свирѣпый взоръ Марсійскаго пѣхотинца обращенный на жестокаго непріятеля». Во-первыхъ, лучшіе издатели принимаютъ не *Marsi a Mauri*, а затѣмъ *Mauri peditis* обозначаетъ здѣсь Мавра (Мавры же какъ и Нумидійцы принадлежали къ лучшимъ наѣзникамъ) спѣшеннаго т. е. сбитаго съ коня. Въ виду этого стихъ этотъ получаетъ слѣдующій смыслъ: «Грозный взоръ сбитаго съ коня Мавра (обращенный) на обрызганнаго (его) кровью врага».

Приступаемъ къ 3-ей одѣ.

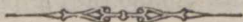
Къ болѣе мелочнымъ недостаткамъ принадлежитъ н. п. переводъ словъ: *Illi robur et aes triplex circa pectus erat*, — именно: «Дубъ (!) и тройной слой мѣди былъ на груди у того», что просто надо понимать такъ: *robustum triplex aes circa pectus erat illi* — «крѣпкій тройной мѣдный панцырь носилъ на груди тотъ» и т. д., но переводъ послѣднихъ строкъ этой оды — это настоящій куріозъ. Слова «*neque per nostrum patimur scelus iracunda Iovem ponere fulmina*» переданы такъ: «не позволяемъ нашими беззаконіями метать гнѣвныя молніи Юпитеру». Вотъ какая сила беззаконій! они обезпечиваютъ людей даже отъ молній Юпитера! Но нѣтъ;—это не такъ. Юпитеру же нельзя въ этомъ воспрепятствовать, а напротивъ авторъ, вотъ что хочетъ намъ сказать въ предостереженіе: «и наша преступность не позволяетъ разгнѣванному Юпитеру отложить въ сторону молніи». *Iracunda fulmina Iovis* поэти-

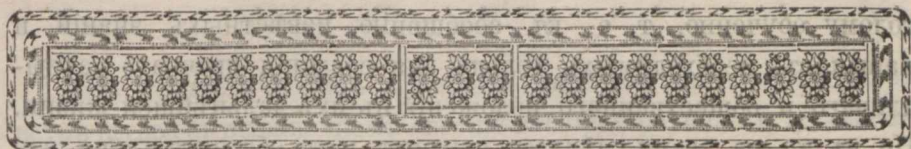
чески вм. *irascendum Iovem fulmina*, какъ мы о подобныхъ свойствахъ поэтическаго языка говорили въ разборѣ перевода Энеиды.

Въ 4-ой одѣ, кромѣ другихъ менѣе значительныхъ недостатковъ, опять встрѣчаемъ одну мысль совершенно ложно и, какъ разъ, опять наоборотъ переданною. «*Trahuntque siccas machinae carinas*». Этотъ прекрасный, такъ сказать, ономапоэтический стихъ переведенъ: «машины вытаскиваютъ на берегъ сухіе корабли». Что въ самомъ дѣлѣ подумать о такомъ бессмысленномъ переводѣ? «Изъ воды вытаскиваютъ сухіе корабли». Дѣйствительно, нѣкоторые переводчики представляютъ нашихъ классическихъ писателей не то что за фокусниковъ, а иногда пожалуй за полныхъ сумасбродовъ. Что долго разсуждать? Смыслъ мѣста, конечно, совершенно обратный: «машины тащатъ (на море) высохшіе корабли». Какъ извѣстно, послѣдніе на зиму, когда мореплаваніе прекращено, вытаскивались на берегъ, гдѣ они и высыхали.

Нѣтъ надобности, кажется, дальше разбирать недостатки перевода, на нѣсколькихъ страницахъ котораго уже такое множество находимъ ихъ, не говоря о грубыхъ ошибкахъ въ предпосылаемыхъ каждой одѣ словахъ и помѣщаемыхъ позади объясненійхъ. Между послѣдними укажемъ хоть на одно. Первый стихъ 4-ой оды напечатанъ тамъ такъ: «*Solvitur acris hiems veris et favoni*», между тѣмъ какъ у Горація читаемъ: *Solvitur acris hiems grata vice veris et favoni*.

Этимъ и оканчиваемъ пока нашъ неблагодарный трудъ. Можетъ быть нѣкоторые изъ разбираемыхъ переводовъ, по мнѣнію многихъ, не заслуживаютъ даже серьезнаго вниманія и я, дѣйствительно, пощадилъ бы для нихъ свое время и глаза, еслибы не замѣтилъ, что они иногда служатъ какъ бы оракуломъ не только для учениковъ, — что они иногда пріобрѣтаются даже гимназическими библіотеками.

Fröhlich.

Воспитательное обученіе.

Перев. Н. Кузнецовъ, Ставрополь.

Предисловіе переводчика.

Предлагаемая статья нѣмецкаго автора представляет болѣе или менѣе удачную попытку разрѣшить существенно важный вопросъ школьной педагогики: какимъ образомъ обученіе направить такъ, чтобы оно не только сообщало ученикамъ извѣстныя знанія, но и воспитывало ихъ волю въ религіозно-нравственномъ направленіи? Вопросъ этотъ уже давно стоитъ на очереди, и рѣшеніемъ его заинтересованы не только представители педагогическаго міра, но и другіе члены общества, слѣдящіе внимательно за судьбою подросткающаго поколѣнія. Вѣроятно, многимъ послѣ серьезнаго и глубокаго размышленія приходилось не разъ съ грустью убѣждаться въ томъ, что значительной доли современнаго зла не существовало бы, если бы только святое дѣло воспитанія было правильно поставлено и если бы лица, призванныя къ тому, употребляли на него больше энергіи и сознавали всю его важность. Какъ семья, такъ и школѣ откровенно слѣдуетъ признаться, что нравственно-воспитательныя задачи не всегда составляютъ главный предметъ ихъ стремленій. Въ большинствѣ случаевъ все образованіе дѣтей сводится къ

голому обученію, т. е. къ сообщенію извѣстныхъ знаній и навыковъ, необходимыхъ только для созданія прочнаго матеріальнаго и общественнаго положенія въ ихъ дальнѣйшей жизни. Но въ то же время слѣдуетъ признать и то обстоятельство, что поставленный выше вопросъ не легко поддается удовлетворительному разрѣшенію и что даже самыя добросовѣстныя попытки педагоговъ въ этомъ отношеніи часто оставались совершенно безплодными, и мало того, можетъ быть, даже приводили иногда къ совершенно неблагоприятнымъ результатамъ. Всякое серьезное дѣло требуетъ извѣстныхъ усилій и нуждается не только въ добросовѣстномъ отношеніи къ нему, но и во всестороннемъ его пониманіи и, наконецъ, въ надлежащемъ умѣнн вести его. Бываетъ еще и такъ, въ особенности въ дѣлѣ воспитанія, что даже совершенно удовлетворительное рѣшеніе вопроса и полное умѣніе не приводятъ все-таки къ благимъ результатамъ. Мы имѣемъ предъ собою въ данномъ случаѣ высочайшій образецъ въ лицѣ Спасителя, воспитательныя средства Котораго, безъ сомнѣнія, отличались полнымъ совершенствомъ; и однако не Онъ ли говорилъ не разъ, что «много званыхъ, а мало избранныхъ?» Воля человѣка не всегда непременно поддается воздѣйствію, и существуютъ такія грубыя и неподатливыя натуры, о которыя разбиваются всѣ воспитательныя попытки. Это обстоятельство не должно, однако, смущать насъ и парализовать нашу энергію въ данномъ дѣлѣ. Слѣдуетъ помнить, что вопросъ о воспитательномъ обученіи касается преимущественно дѣтей, а дѣтская натура несравненно скорѣе поддается извѣстному воздѣйствію, чѣмъ натура взрослыхъ. Поэтому и правильныя воспитательныя мѣры по отношенію къ дѣтямъ могутъ привести, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени къ желаннымъ результатамъ и во всякомъ случаѣ содѣйствовать образованію въ будущемъ лучшаго общества.

Н. Кузнецовъ.

Въ педагогическихъ кружкахъ нерѣдко намъ приходится встрѣчаться съ выраженіемъ «воспитательное обученіе», и каждый педагогъ въ настоящее время такъ или иначе долженъ считаться съ нимъ. Иногда школьное начальство даже отказывается въ учительскомъ мѣстѣ кандидату именно за то, что онъ на пробномъ урокѣ не обнаружилъ умѣнья вести педагогическое обученіе. Точно также мать, придающая высокую цѣну воспитанію дѣтей, требуетъ отъ гувернантки своей дочери, чтобы ея обученіе носило воспитательный характеръ, такъ какъ для ея дочери особенно необходимо хорошее воспитаніе. Въ Германіи уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ издаются «Записки о воспитательномъ обученіи», и въ настоящее время даже назначаются преміи за разработку этого педагогическаго вопроса. Такъ, евангелическая консисторія въ Виртембергѣ на соисканіе преміи предложила слѣдующую тему: «Какъ достигъ того, чтобы обученіе было воспитательнымъ, и можетъ ли воспитательная задача народной школы исчерпываться только хорошимъ обученіемъ?»

Конечно, нечего удивляться, что эта идея успѣла уже пустить корни въ педагогическомъ мірѣ и волнуетъ сердца, такъ какъ отецъ ея, философъ и педагогъ, Іоаннъ Фридрихъ Гербартъ уже давно сдѣлалъ ее достояніемъ педагогики и ближе освѣтилъ ее. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ педагогическихъ сочиненій*) онъ говоритъ: «Прежде всего я долженъ сказать откровенно, что мнѣ непонятно воспитаніе безъ обученія; точно также для меня не имѣетъ цѣны то обученіе, которое не воспитываетъ». Въ другомъ своемъ сочиненіи**) Гербартъ заявляетъ: «Здѣсь не говорится о такомъ обученіи (которое сообщаетъ утилитарныя познанія и извѣстную сноровку), но только о воспитательномъ обученіи.

Безъ сомнѣнія, весьма похвально, что подобная идея нашла себѣ мѣсто и примѣненіе въ педагогикѣ и въ школьномъ дѣлѣ. Но дурно то, что рѣдко кто можетъ дать связный и удовле-

*) Allgem. Pädag.

**) Umriss pädag. Vorles. § 57.

творительный отвѣтъ, если его спросить: «Что же такое называется воспитательнымъ обученіемъ? Какія цѣли его? Какія средства употребляетъ оно, и въ какой формѣ должно сообщать его?» Правда, о данномъ предметѣ есть многотомныя ученія сочиненія по философской педагогикѣ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть полезныя указанія; однако грустно, что, при своей обширности и учености, они не отличаются благородною простотою и ясностью, такъ что прежде, чѣмъ попасть въ святилище познанія, нужно съ большими усиліями проложить себѣ путь чрезъ преддверіе учености.

На этомъ основаніи было бы не бесполезно еще разъ старательно разсмотрѣть и изслѣдовать, въ чемъ заключается сущность и значеніе воспитательнаго обученія и какимъ путемъ можно достигнуть его осуществленія, — именно для того, чтобы результаты изслѣдованія изложить въ простой и удобопонятной формѣ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ всѣхъ учителей, въ особенности же молодыхъ.

1. Достоинство и сущность воспитательнаго обученія.

Высшая задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы развить въ воспитанникѣ нравственное чувство, или постоянное стремленіе къ добродѣтели; а такъ какъ нравственность главнымъ образомъ основывается на волѣ, то на нее, т. е. на хотѣніе или нехотѣніе извѣстной личности, и слѣдуетъ, такъ сказать, наложить такую неизгладимую печать, чтобы она постоянно оставалась неизмѣнною и самодѣтельно стремилась къ осуществленію общепризнанныхъ требованій справедливости. Такая печать, наложенная на волю, называется нравственнымъ характеромъ, и въ немъ заключается идеаль личности. Въ этомъ направленіи на волю воспитанника можно дѣйствовать двояко: посредственно или непосредственно. Къ непосредственнымъ мѣрамъ воздѣйствія относятся: награды, замѣчанія, наказанія, примѣры, любовь, надзоръ и авторитетъ воспитателя, увѣщанія и предостереженія, общеніе съ хорошими людьми, предотвращеніе и подавленіе страстей и дурныхъ наклонностей

и т. д. — однимъ словомъ, тѣ мѣры, которыя и составляютъ сущность воспитанія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ воля воспитанника находится въ зависимости отъ его круга мышленія, то на нее можно дѣйствовать и посредственно, т. е. развивая его мыслительныя способности въ такомъ направленіи, чтобы это развитіе имѣло своимъ результатомъ нравственную волю воспитанника. Этого и можно достигнуть посредствомъ воспитательнаго или педагогическаго обученія, главнаго фактора воспитанія. Такое обученіе противопоставляется невоспитательному или непдагогическому обученію. Последнее не преслѣдуетъ цѣли нравственнаго образованія характера, а или прямо имѣетъ своею цѣлью сообщеніе извѣстныхъ знаній и умѣнья, или же, во всякомъ случаѣ, имѣетъ въ виду цѣль, стоящую внѣ обучающейся личности, приготовляя ее ко вступленію въ извѣстное званіе или извѣстный кругъ общества и такимъ образомъ доставляя ей возможность въ будущемъ добывать себѣ средства къ существованію и приспособляться къ извѣстному положенію въ жизни. Къ числу такихъ школъ, которыя сообщаютъ одностороннее образованіе и вводятъ въ опредѣленную и ограниченную область знанія, принадлежатъ профессиональныя или спеціальныя школы. Имъ противопологаются воспитательныя школы, въ которыхъ образованіе мыслительнаго круга или интеллектуальное развитіе служитъ только средствомъ и первою ступенію для созданія въ воспитанникѣ нравственнаго характера и привитія къ нему гуманности и общечеловѣческаго образованія.

Выше мы назвали обученіе главнымъ факторомъ воспитанія. Дѣйствительно оно представляетъ собою важнѣйшее воспитательное средство и, пожалуй, даже имѣетъ при воспитаніи преобладающее значеніе, такъ какъ оно именно обращаетъ въ воспитанникѣ нравственный характеръ.

Нравственнымъ же характеромъ можно назвать постоянное расположеніе души къ добру, являющееся результатомъ господствующаго вліянія извѣстнаго круга мышленія. Поэтому, какъ говоритъ Герbartъ, «только тѣ и обладаютъ въ совершенствѣ зкусствомъ воспитанія, которые умѣютъ поселить въ душахъ

воспитанниковъ столь высокія и тѣсно связанныя между собою мысли, чтобы онѣ, не взирая ни на какія условія жизни, удерживали ихъ волю въ извѣстномъ благопріятномъ направленіи». Ближе всего къ воспитательнымъ школамъ будутъ подходить сельскія и городскія училища, реальныя училища, гимназіи и вообще низшія и среднія учебныя заведенія общобразовательнаго характера.

Само собою разумѣется, что необходимое условіе нравственнаго характера составляетъ добродѣтель, которая заключается въ соответствіи дѣйствій человѣка съ общепризнанными нравственными идеями или образцами, въ соблюденіи требованій добра и справедливости. Для этого, конечно, воспитатель долженъ внушить воспитаннику пониманіе того, въ чемъ состоитъ добро и справедливость. Но одного этого недостаточно. Необходимо кромѣ того, чтобы пониманіе добра и справедливости обусловило и волю воспитанника. Вотъ тутъ и важно рѣшить вопросъ, какимъ образомъ изъ нашего познанія, которое состоитъ изъ представленій, сужденій и умозаключеній, могутъ возникнуть стремленія, рѣшенія, намѣренія, т. е. акты воли или наше хотѣніе. На этотъ чисто философскій вопросъ психологія отвѣчаетъ такъ: переходъ отъ познанія къ волѣ совершается посредствомъ той высшей степени представленія, того искренняго и неэгоистическаго увлеченія предметами познанія, которое называется интересомъ. Изъ этого возвышеннаго стремленія души, продолжительнаго и соединеннаго съ чувствомъ, и проистекаетъ хотѣніе такъ же точно, какъ является растеніе изъ заключеннаго въ ядрѣ сѣмени или плодъ изъ распутившейся почки.

Одна сухая выработка мыслительнаго круга даетъ въ результатъ не болѣе, какъ способность правильно мыслить (интеллектуальное развитіе); только въ томъ случаѣ и можно вліять на волю воспитанника, если дѣло обученія ведется съ интересомъ для него. Въ пробужденіи и укрѣпленіи этого интереса и состоитъ главнѣйшая задача школы, которая должна имѣть въ виду, что источники живого и полнаго интереса кроются во внутренней потребности и охотѣ воспитан-

ника и въ той легкости, какую сопровождаются его духовная дѣятельность и его занятія.

Придавая такое важное значеніе интересу, составляющему одинъ изъ коренныхъ терминовъ научной педагогики, мы теперь постараемся поближе разсмотрѣть и точнѣе изслѣдовать это понятіе.

Можно было бы думать, что для того, чтобы вызвать нравственную волю, достаточно только одного нравственнаго интереса, т. е. интереса къ моральнымъ идеямъ; однако существуютъ еще другіе интересы, тоже неэгоистическіе, которые составляютъ духовное достояніе образованнаго человѣка и обуславливаютъ его нравственность, облагораживая его, т. е. совлекая съ него все грубое, низменное и мелочное, и ведя его къ идеалу. Такіе интересы принадлежатъ къ области религіи, науки и искусства. Эти интересы потому и имѣютъ важное значеніе, что они тѣсно связаны съ интересами нравственными. Такъ, развитіе религіознаго чувства служить источникомъ и основаніемъ добродѣтели; изученіе наукъ даетъ намъ возможность сдѣлать правильную оцѣнку поведенія человѣка и направить нравственную волю въ разумную сторону; а изученіе искусства вводитъ насъ въ область прекраснаго, которое уже есть преддверіе къ храму добра, такъ какъ въ нравственномъ отношеніи только добро и составляетъ истинно-прекрасное.

Въ силу этого, педагогика и предлагаетъ намъ при воспитательномъ обученіи пробуждать и развивать слѣдующіе шесть родовъ интереса:

1. Эмпирическій	}	интересы познанія (ума).
2. Спекулятивный		
3. Эстетико-моральный		
4. Симпатическій	}	интересы участія (сердца).
5. Соціальный		
6. Религіозный		

Разсмотримъ, что обозначаетъ каждый изъ этихъ терминовъ.

Если дитя ревностно стремится постигнуть разнообразные предметы опыта и такимъ образомъ расширить свою область познанія фактовъ, то въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ эмпирической интересъ или любознательность; такъ бываетъ, напримѣръ, тогда, когда учитель рассказываетъ дитяти какую-нибудь повѣсть или сказку, басню или поэму, или когда онъ вызываетъ въ немъ представленія о снѣгѣ, грозѣ, школьномъ зданіи, объ Одиссеѣ, Робинзонѣ, о какой-нибудь семьѣ или общинѣ, такъ что воспитанникъ воспринимаетъ эти предметы какъ образы, какъ конкретныя представленія, безъ участія аналитической дѣятельности мышленія.

Если же я спрашиваю о соотношеніи между явленіями, о причинной связи между ними, если я интересуюсь знать, какой причиной вызывается извѣстное слѣдствіе, какая сила производитъ извѣстное дѣйствіе, какія средства употребляются для достиженія извѣстной цѣли, — то здѣсь вступаетъ въ силу спекулятивный интересъ. Такъ, я могу спросить: Отчего происходитъ снѣгъ? Откуда является гроза? Для чего служить зданіе школы? Какія средства употреблялъ Робинзонъ, чтобы возвратиться на родину? и т. д. Всѣ эти вопросы являются слѣдствіемъ умозрительнаго отношенія къ предметамъ и стремленія изучить ихъ взаимную зависимость и соотношеніе между собою.

Далѣе, если я разсматриваю природу по отношенію къ красотѣ, людей же по отношенію къ добру, если я разсматриваю, какимъ образомъ цвѣта и формы розы соединены такъ, что возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство, или если я въ поступкахъ, напримѣръ, Одиссея отдѣляю справедливое отъ несправедливаго, добро отъ зла, — то здѣсь мною руководятъ интересы эстетической и моральной или то, что мы называемъ вкусомъ и нравственнымъ сужденіемъ. Такъ какъ нравственный поступокъ возбуждаетъ въ насъ высочайшее удовольствіе, какъ нравственная красота, то мы оба сейчасть упомянутые интереса можемъ просто назвать эстетическимъ интересомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Интересы эмпирической, спекулятивный и эстетической

расширяютъ область нашего познанія и потому могутъ быть названы интересами познанія.

Теперь, если мы вслѣдствіе дѣйствительнаго или идеальнаго обращенія съ одушевленными существами (людьми), или съ тѣми существами, которыя тоже представляются намъ одушевленными (животными), чувствуемъ къ нимъ участіе, если наше сердце лежитъ къ нимъ, то у насъ проявляется симпатическій интересъ (сочувствіе). Если онъ такъ увеличивается, что относится къ цѣлому союзу людей, какъ на примѣръ, къ семьѣ, обществу, государству и т. д., то возникаетъ чувство общности, гражданственности, патріотизма или соціальнаго (общественнаго) интереса. Наконецъ, когда мы чувствуемъ нашу зависимость отъ Высшаго Существа и наше безсиліе передъ Нимъ, — на примѣръ, когда мы желаемъ осуществить наши идеалы благодаря помощи свыше, — то тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ религіознымъ интересомъ (вѣра, надежда и любовь по отношенію къ Божеству, или благочестіе).

Симпатическій, соціальный и религіозный интересы расширяютъ и углубляютъ область нашего сердца и потому могутъ быть названы интересами сердца или участія. Они особенно важны при воспитаніи добродѣтели, такъ какъ отъ участія добраго сердца до желанія добра — только одинъ шагъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, здоровомъ тѣлесно и духовно, находятся всѣ указанные интересы, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, т. е. у каждаго есть способность и возможность къ ихъ проявленію; они только нуждаются въ соразмѣрномъ развитіи, и въ каждомъ человѣкѣ, если только его не обучали односторонне и не воспитывали ложно, всѣ эти интересы взаимно связаны и дѣйствуютъ гармонично, на какой бы ступени образованія онъ ни находился и каковъ бы ни былъ его возрастъ. Кто хорошо знаетъ дѣтскій міръ и внимательно наблюдалъ его, тотъ не можетъ не замѣтить, что уже шестилѣтнее дитя высказываетъ свои сужденія, дѣлаетъ выводы и любитъ думать, т. е. обнаруживаетъ какъ спекулятивный, такъ

и другіе интересы. Задача учителя или воспитателя состоитъ только въ томъ, чтобы удерживать всѣ эти интересы въ равновѣсіи. Они должны выходить, какъ лучи изъ свѣтящейся точки, которою служить «я» воспитанника, и вновь въ нее собираться. Если всѣ эти интересы возбуждены, то воспитанникъ достигаетъ той самодѣтельности, которая безусловно необходима для позднѣйшаго самообразованія, цѣли всякаго хорошаго обученія. Поэтому обучать также значитъ указать ученику ближайшій путь къ самообразованію, и задача воспитательнаго обученія такъ образоватъ и расширить міръ представленій воспитанника, чтобы путемъ возбужденія и поддержанія многосторонняго интереса содѣйствовать развитію въ немъ самодѣтельности и осуществленію возникшихъ въ его душѣ нравственныхъ идей.

Само собою разумѣется, что такого рода обученіе имѣетъ значительное достоинство. Какъ уже выше сказано, оно не только стремится расширить умственную дѣятельность воспитанника, но также и облагородить его, не только вызвать и укрѣпить духовныя силы его, но и направить ихъ на благородное и достойное. вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ воспитательнаго обученія мы образуемъ не легкомысленныхъ и поверхностныхъ многознаекъ, не людей съ холоднымъ разсудкомъ, но людей благоразумныхъ, истинно добрыхъ, воспріимчивыхъ ко всякой добродѣтели и ко всему хорошему, одушевленныхъ искреннимъ и горячимъ стремленіемъ согласовать свою жизнь съ воспитанными въ нихъ убѣжденіями. Развить въ воспитанникѣ такое высокое царство духовной жизни и составляетъ педагогическую миссію каждаго педагога вообще и школьнаго учителя въ частности.

Но тутъ является вопросъ: посредствомъ чего и какимъ образомъ устроить такое обученіе? Это заставляетъ насъ подробно изслѣдовать учебный матеріалъ и форму обученія.

2. Учебный матеріалъ и система воспитательнаго обученія.

Воспитательные элементы обученія могутъ заключаться или въ учебномъ матеріалѣ, или въ системѣ (формѣ) обученія, или же и въ томъ, и въ другой. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что воспитательному обученію принадлежитъ какъ хорошій выборъ между предметами обученія и соотвѣтственная связь между ними, такъ и соотвѣтствующее цѣли расчлененіе и обработка (метода) учебнаго матеріала и, наконецъ, подходящій способъ изложенія и сообщенія его (форма обученія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ). Чтобы ближе понять это, поставимъ и подробно разсмотримъ слѣдующія четыре положенія:

А. Воспитательное обученіе въ центрѣ обученія ставитъ нравственныя идеи. Но такъ какъ голыя идеи, сухая абстрактная мораль, правоучительныя рѣчи не могутъ возбудить интереса дитяти, то сущность нравственности ему нужно излагать въ конкретныхъ положеніяхъ, т. е. въ видѣ историческихъ объектовъ, какіе заключаются въ библейской и гражданской исторіи и въ поэзіи. Такимъ историческимъ матеріаломъ для нѣжнаго возраста, находящагося еще подъ вліяніемъ живой дѣятельности фантазіи, могутъ служить, на примѣръ, басни, сказки и саги, а для болѣе зрѣлаго возраста — библейскіе, собственно-историческіе и другіе рассказы (Робинзонъ). И тѣ, и другіе представляютъ этическія положенія въ болѣе удобной для воспріятія формѣ и совершенно приноровлены къ тому, чтобы положить основаніе всѣмъ интересамъ ума (эмпирическому, спекулятивному и эстетическому) и сердца (симпатическому, социальному и религіозному). Поэтому историческій матеріалъ, какъ проводникъ моральныхъ идей, ставится въ центрѣ обученія и долженъ занимать въ немъ господствующее положеніе. Но такъ какъ нравственность осуществляется только при помощи Высшаго Существа, и главная опора добродѣтели находится въ религіи, то къ историческому матеріалу обученія позднѣе можетъ быть присоединено и ученіе о религіи, причемъ даже самъ учитель можетъ со-

ставить для своихъ учениковъ систему религіозныхъ истинъ (катихизисъ), воспользовавшись для этого тѣми религіозными истинами, которыя добыты ими на разработанныхъ уже историческихъ урокахъ съ библейскимъ содержаніемъ.

Такого рода нравственное обученіе, которое сообразно съ его цѣлью — образованіемъ міросозерцанія — можно также назвать обученіемъ образа мыслей, начинается тотчасъ же со вступленія дитяти въ школу, когда ему предлагаютъ и вмѣстѣ съ нимъ разбираютъ сказки, басни и соотвѣтствующіе рассказы, а потомъ повѣствованія изъ библейской исторіи и т. д. Изъ нихъ дитя научается любви и благодарности къ людямъ, почтенію къ родителямъ и учителю, уживчивости съ братьями и товарищами, любви къ истинѣ и благородству и, вообще, всѣмъ нравственнымъ требованіямъ и отношеніямъ, и въ нѣжномъ юномъ сердцѣ его насаждаются представленія о Богѣ и чувства по отношенію къ Нему.

Но чтобы это религіозно-нравственное направленіе не разъединялось въ душѣ, чтобы оно получило въ ней господствующее значеніе, укрѣплялось и создавалось также и при помощи другихъ представленій, однимъ словомъ, чтобы всѣ представленія ума имѣли единство и образовывали собою органическое цѣлое; — нужно, чтобы

Б. остальные предметы обученія по возможности также принимали участіе въ обученіи образа мыслей и дополняли его. Вообще всѣ знанія должны по возможности быть тѣсно связаны между собою. Этимъ достигается то, что называется концентраціей. Она, именно, и состоитъ въ объединеніи разнообразнаго матеріала въ душѣ воспитанника, чтобы чрезъ единство сознанія достигнуть образованія въ немъ цѣльной личности и чтобы такимъ образомъ придать обученію образа мыслей высшее педагогическое достоинство и физическую силу.

Если въ душу учащагося поколѣнія не должны закрадываться разсѣянность, сомнѣніе, двойственность и нерѣшительность, если мысль и дѣло не должны породить раздвоенія

въ жизни, если въ будущихъ людяхъ не должно образовываться много умственныхъ центровъ, то должна быть концентрація обученія, такъ какъ единству сознанія постоянно угрожаетъ многообразность и разносторонность образованія. Это единство достигается тѣмъ, что разнообразное въ личности образуетъ одну приведенную въ порядокъ и связную массу представленій, въ которой многое сливается и тѣсно переплетается между собою, — одну систему ихъ, въ которой «я» имѣетъ свое мѣсто. Безъ этого все единичное и обособленное, всякое знаніе, стоящее отдѣльно, лишено достоинства и силы, не приноситъ пользы ни въ какомъ отношеніи, не служитъ ни для жизни, ни для науки, ни для образованія чувства и воли. Только цѣльность обученія можетъ принести добрые плоды. Такимъ образомъ всѣ сообщаемыя свѣдѣнія на всѣхъ стадіяхъ обученія должны находиться въ тѣсной связи между собою. Отдѣльныя силы должны сливаться въ одну цѣльную силу и производить въ качествѣ своего продукта цѣльный эффектъ. Эта совокупность дѣйствія, этотъ цѣльный эффектъ и являются именно благодаря концентраціи обученія.

Нашъ умъ состоитъ изъ представленій и возрастаетъ только благодаря яснымъ представленіямъ и ихъ соединеніямъ въ группы и ряды, которые далѣе расширяются въ круги представленій и, наконецъ, путемъ сліянія послѣднихъ, въ массы представленій. Изъ жизни представленій затѣмъ возникаютъ чувства, стремленія, расположеніе, нравственность и характеръ. Но, по ученію психологіи, истинно-духовная, богатая внутренняя жизнь не пробуждается тогда, когда представленія лежатъ отдѣльно другъ отъ друга. Для этого всѣ представленія должны образовать органическое цѣлое, прекрасно-сплетенную ткань, и нашъ умъ долженъ надъ ними господствовать, быть въ состояніи быстро связывать одно представленіе съ другимъ и пробѣгать по нимъ въ различныхъ направленіяхъ. Тогда только возникаютъ фантазія, соображеніе, осмотрительность, глубокомысліе и, вообще, духовная сила и духовная жизнь.

Изъ этого вытекаетъ то, что истинно-духовная жизнь, та жизнь, которая составляетъ основаніе нравственности, зависитъ не отъ количества представленій, а отъ соотвѣтственной связи между ними и власти надъ ними.

Такимъ образомъ, если, напримѣръ, въ сказкѣ о «красной шапочкѣ» встрѣчается упоминаніе о лѣсѣ, то слѣдуетъ путемъ предварительной бесѣды при наглядномъ обученіи дать ученикамъ ясное представленіе объ этомъ предметѣ. Если въ историческомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ Арминіи, то его можно связать съ описаніемъ древней Германіи. Затѣмъ историческій матеріалъ можетъ быть оживленъ соотвѣтствующими поэтическими произведеніями, и, наоборотъ, послѣднія могутъ быть иллюстрированы историческими фактами.

Слѣдуетъ остерегаться при концентраціи обученія доходить до крайности, составляющей плодъ педантизма. Наблюдая за связью между различными представленіями, должно помнить, что каждый учебный предметъ требуетъ опредѣленнаго рода родственныхъ ему по содержанию представленій и потому долженъ сохранять свою самостоятельность, воспитывая извѣстную область мышленія. Нѣтъ необходимости, напримѣръ, во время урока ариѳметики упоминать о воробьяхъ и голубяхъ и такимъ образомъ превращать его въ урокъ естественной исторіи.

Что же касается до самаго учебнаго матеріала, то онъ, естественно, долженъ быть такъ обработанъ, чтобы быть пригоднымъ и приуроченнымъ для данной степени образованія и возбуждать въ дитяти хоть какой-нибудь интересъ. Но, такъ какъ интересъ скорѣе возбуждается вещами, чѣмъ формами и знаками, то и главное мѣсто при воспитательномъ обученіи должно принадлежать изученію вещей.

В. Воспитательное обученіе разбиваетъ накопляющіяся массы представленій на болѣе мелкія величины (методическія единицы), позволяя воспринимать новое и присоединяя его къ старому по законамъ перцепціи и апперцепціи (расчлененіе и разработка учебнаго матеріала). — Когда къ учителю при-

вредить дѣтей, то ихъ нѣжная душа не есть уже *tabula rasa*, т. е. не представляетъ собою неисписанной доски, такъ какъ на ней начертано уже много представленій, хотя, правда, не твердыхъ, неопредѣленныхъ и беспорядочныхъ; и то новое, которое мы предлагаемъ ребенку, уже заключаетъ въ себѣ, по большей части, извѣстные ему элементы, или, по крайней мѣрѣ, находить отголоски въ его душѣ. Поэтому задача учителя — вывѣдать имѣющійся у него подъ руками запасъ дѣтскихъ представленій, расчленивъ его, очистить и привести въ порядокъ, помѣстить новое на надлежащее мѣсто и такимъ образомъ видоизмѣнить старыя представленія. Если я, напри- мѣръ, захочу дать дѣтямъ представленіе о раѣ, то я долженъ сначала вызвать у нихъ въ сознаниіи уже имѣющееся пред- ставленіе о какой-нибудь извѣстной имъ прекрасной мѣстности и затѣмъ такъ его обработать, чтобы у нихъ получилось именно представленіе о раѣ. Это важное психическое явленіе называется апперцепціей, благодаря которой происходитъ образованіе новыхъ представленій изъ уже извѣстныхъ, а воспріятіе совершенно новыхъ представленій носить имя пер- цепціи. Обѣ эти функціи совершаются у всѣхъ людей по однимъ и тѣмъ же законамъ, и учитель долженъ обратить на это заботливое вниманіе, въ видахъ вызыванія ясныхъ и правильныхъ представленій. Такъ какъ новое постоянно нахо- дить въ душѣ уже извѣстные элементы или отголоски, то всякое ученіе, строго говоря, есть не что иное, какъ про- цессъ апперцепціи, т. е. психологическое явленіе, при помощи котораго воспринимаемый матеріалъ ассимилируется съ наличнымъ. Кромѣ того еще нужно замѣтить, что дѣтскій умъ не въ состояніи за одинъ разъ воспринять и переработать массу представленій; поэтому, предлагая ему извѣстное цѣлое, мы должны разбить его на составныя части и каждую часть въ отдѣльности подвергнуть подробному и всестороннему раз- смотрѣнію.

Расчлененіе уже имѣющихся въ наличности представленій относительно извѣстнаго предмета мы можемъ назвать ана- лизомъ, а присоединеніе къ нимъ новаго — синтезомъ.

Объ эти функціи должны производиться на конкретной почвѣ и помогать образованію правильныхъ и ясныхъ понятій.

Этотъ первый шагъ при разработкѣ многосторонняго круга представленій даетъ намъ такимъ образомъ множество ясныхъ отдѣльныхъ представленій (разъяснительная ступень). Но слѣдуетъ помнить, что нашъ умъ растетъ, главнымъ образомъ, благодаря тому, что мы группируемъ сродные признаки въ нашихъ представленіяхъ и такимъ образомъ дѣлаемъ обобщенія, т. е. составляемъ себѣ понятія и открываемъ законы, правила и принципы. Это составитъ второй шагъ въ обученіи. Для этой цѣли ученикамъ напоминаютъ уже извѣстные имъ случаи или примѣры, принадлежащіе къ одной и той же области понятій или законовъ, и заставляютъ ихъ дойти до этихъ понятій и законовъ путемъ отвлеченія.

Этотъ второй шагъ мы можемъ назвать объединеніемъ многого (ассоціація). Ступень ассоціаціи есть какъ бы турниръ фантазіи: образуются комбинаціи, возникаютъ сравненія и т. д. — Полученные результаты мы затѣмъ должны собрать, сопоставить, привести въ порядокъ, поставить рядомъ съ уже извѣстнымъ матеріаломъ и снабдить ихъ, такъ сказать, этикетками, какъ это дѣлается со стеклянками въ аптекѣ (система = третій шагъ). Наконецъ, мы можемъ образованную такимъ образомъ систему обозрѣть въ другомъ порядкѣ и укрѣпить ее путемъ примѣненія къ дѣлу (употребленіе = четвертый шагъ).

Вотъ на какія ступени должно распадаться обученіе. Конечно, не каждый учебный матеріалъ нужно непременно проводить чрезъ всѣ указанныя манипуляціи, а только такой, который представляетъ нѣчто многообразное (напримѣръ, историческій рассказъ, предметы географіи или естественной исторіи), чтобы ученикъ могъ извлечь изъ него такіе признаки, которые бы служили къ составленію какого-нибудь понятія.

Каждая изъ четырехъ ступеней упражняетъ извѣстный родъ мыслительныхъ способностей или духовной дѣятельности. Первая ступень, напримѣръ, упражняетъ способность предста-

вленія, вторая — дѣятельность фантазіи, третья — способность дѣлать выводы и составлять понятія.

Попробуемъ теперь дать примѣръ подобной разработки учебнаго матеріала. Предположимъ, что мальчикамъ, достигшимъ десятилѣтняго возраста, уже извѣстно понятіе о геометрическомъ тѣлѣ, и я хочу при помощи четырехгранной деревянной призмы вывести понятія о плоскости вообще, о плоскости горизонтальной и перпендикулярной, о ребрѣ призмы, о вершинѣ угла и т. д. — тогда эту методическую единицу нужно разложить на слѣдующія ступени.

I. Ступень разъяснительная. а) Анализъ. Разузнать прежде, что ученики уже знаютъ о призмѣ относительно формы, напр., что она имѣетъ три измѣренія, шесть сторонъ, двѣнадцать реберъ и т. д.

б) Синтезъ. Подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей, т. е. каждой отдѣльной плоскости и каждого отдѣльнаго ребра на призмѣ. Каждая плоскость ограничиваетъ тѣло и имѣетъ два измѣренія. Двѣнадцать реберъ ограничиваютъ плоскости и имѣютъ только одно измѣреніе. Восемь вершинъ ограничиваютъ ребра и не имѣютъ никакого измѣренія. Взаимное отношеніе плоскостей и реберъ по ихъ положенію (горизонтальному и перпендикулярному).

II. Ассоціація. Описаніе другихъ призмъ, которыя уже извѣстны воспитаннику изъ его домашней жизни, напримѣръ, балокъ, кирпичей, разнаго рода ящичковъ, имѣющихъ форму призмы и т. п. Теперь ученикъ уже не долженъ обращать вниманіе на матеріаль, цвѣтъ и другіе случайные признаки, чтобы составить себѣ ясное понятіе о формахъ: плоскости, линіи и т. д.

III. Система. Тѣло имѣетъ три измѣренія. Плоскость есть предѣлъ тѣла, линія — предѣлъ плоскости и точка — предѣлъ линіи. Плоскость имѣетъ два измѣренія, линія — одно, а точка не имѣетъ никакого измѣренія. Перпендикулярная плоскость есть . . . . и т. д. Такимъ образомъ уче-

никъ составляетъ себѣ рядъ понятій: о тѣлѣ, плоскости, линіи и точкѣ.

IV. Пользованіе системою. Система разсматривается въ другомъ направленіи, напримѣръ, отъ точки къ тѣлу. Рядъ понятій: о точкѣ, линіи, плоскости и тѣлѣ. — Происхожденіе линіи отъ движенія точки, плоскости отъ движенія линіи, тѣла отъ движенія плоскости. Отвѣты на вопросы. Состоитъ ли тѣло изъ плоскостей, плоскость изъ линій, линія изъ точекъ? Наглядное опредѣленіе данныхъ понятій по классной комнатѣ. Знаки.

Такъ какъ артикуляція обученія, т. е. раздѣленіе его на означенныя четыре формальныя ступени, имѣетъ большую важность, то мы приведемъ еще другой примѣръ, именно, изъ грамматики.

Поставимъ цѣлью урока научить учениковъ различать какой-нибудь новый членъ распространеннаго предложенія, напримѣръ, дополненіе, когда уже имъ извѣстны главные члены предложенія, подлежащее и сказуемое, и кромѣ того еще опредѣленіе.

I. Ступень разъяснительная. а) Анализъ. Разберите по частямъ предложенія слѣдующія предложенія:

- 1) Растеніе любить свѣтъ.
- 2) Растенія наслаждаются свѣтомъ.
- 3) Цвѣты обращены къ нему (солнцу).
- 4) Растенія всползаютъ на стѣну.
- 5) Они радуются свѣту.

Вы уже знаете, что такое подлежащее и сказуемое. Укажите ихъ въ приведенныхъ предложеніяхъ! Въ первомъ предложеніи подлежащее — «растеніе», а сказуемое — «любить», во второмъ предложеніи подлежащее — «растенія» и т. д. Какъ сказать эти предложенія въ самомъ простомъ видѣ? «Растеніе любить», «растенія наслаждаются» и т. д. Разсмотрите эти простыя предложенія! Что вамъ въ нихъ бросается въ глаза? Поймете ли вы, если я скажу вамъ эти предложенія

въ такомъ простомъ видѣ? Значитъ, въ такомъ видѣ эти предложенія кажутся неполными. Въ нихъ недостаетъ чего-то, что тамъ необходимо должно быть. Еще какая часть предложенія одна сама по себѣ не даетъ ему полного смысла? Сказуемое. Слѣдовательно, къ какой части предложенія относятся тѣ слова, которыя прибавлены въ распространенныхъ предложеніяхъ? Къ сказуемому. Что это за слова? Имена существительныя и мѣстоименія.

б) Синтезъ. Вы видите, что слова «любить», «наслаждаются» одни сами по себѣ еще не даютъ полного смысла; еще не достаетъ прибавки предмета, который любятъ, или которымъ наслаждаются. Этотъ предметъ непременно долженъ стоять при сказуемомъ. Къ такимъ предметамъ и относятся слова «свѣтъ», «свѣтомъ» и т. д. А такъ какъ необходимо принадлежащій сказуемому предметъ, на который направляется или къ которому относится сказуемое, дополняетъ смыслъ послѣдняго, то мы назовемъ его дополненіемъ. Такими дополненіями въ разбираемыхъ нами предложеніяхъ будутъ: свѣтъ, свѣтомъ, къ нему, на стѣну, свѣту. Они дополняютъ сказуемыя: любятъ, наслаждаются, обращены, воспользуются, радуются. — Спросите теперь о дополненіи въ первомъ предложеніи! Что любить растеніе? Спросите о дополненіи во второмъ и слѣдующихъ предложеніяхъ! — Чѣмъ наслаждаются растенія? Къ чему обращены цвѣты? — Такъ какъ дополненіе обозначаетъ какой-нибудь предметъ, то къ какой части рѣчи оно принадлежитъ? А какую часть рѣчи выражено дополненіе въ третьемъ предложеніи? («къ нему»). Какъ выражено дополненіе въ третьемъ и четвертомъ предложеніи? Въ третьемъ — мѣстоименіемъ съ предлогомъ, а въ четвертомъ — существительнымъ съ предлогомъ.

II. Ассоціація. Теперь укажите нѣсколько подобныхъ примѣровъ изъ статей, уже разученныхъ вами! Въ статьѣ «Промыслъ Божій» (Сарторія) говорится: «люди называютъ ее (траву) резедой». Укажите здѣсь сказуемое! «Называютъ». Какіе вопросы возникаютъ при этомъ? Что называютъ люди резедой? Ее (траву). Какъ называютъ ее? Резедой. «Ее» и «ре-

зедой» будутъ дополненія, потому что эти слова обозначаютъ предметы, къ которымъ относится дѣйствіе названія и которые такимъ образомъ дѣлаютъ полнымъ смыслъ его. Эти два дополненія отвѣчаютъ на вопросы: кого? и чѣмъ? Другія предложенія той же статьи будутъ: «запахъ цвѣтка превосходитъ всѣ пряности», «это растеніе посѣщаетъ бабочка». — Здѣсь дополненіями будутъ: «пряности» и «растеніе». — Назовите примѣры на память! — 1. Робинзонъ убѣждалъ отъ родителей. 2. Онъ былъ къ нимъ непослушенъ. 3. Больной нуждается во врачѣ. 4. Наполеонъ награждалъ храбрыхъ солдатъ орденомъ Почетнаго Легіона. 5. Иосифъ былъ похожъ на Веніамина.

Послѣднія предложенія опять подвергаются разбору. — На какой вопросъ отвѣчаетъ дополненіе въ первомъ предложеніи. На вопросъ: отъ кого? Что оно обозначаетъ? Лицо. — Также продѣлывается со вторымъ и четвертымъ предложеніями. — Сколько дополненій находится въ четвертомъ предложеніи? Два; одно отвѣчаетъ на вопросъ: кого? и обозначаетъ лицо, а другое — на вопросъ: чѣмъ? и обозначаетъ вещь. — Какою частью рѣчи выражены сказуемые во второмъ и пятомъ предложеніи? — Именемъ прилагательнымъ (со вспомогательнымъ глаголомъ). — А въ остальныхъ предложеніяхъ? — Глаголомъ.

III. Система. Сопоставленіе и приведеніе въ порядокъ результатовъ, добытыхъ посредствомъ предшествующихъ двухъ ступеней обученія. — Теперь мы знаемъ въ распространенныхъ предложеніяхъ четыре члена предложенія: подлежащее, сказуемое, опредѣленіе и дополненіе. Сказуемая, если они выражены глаголомъ или именемъ прилагательнымъ, часто нуждаются еще въ дополненіи, т. е. въ такомъ существительномъ или мѣстоименіи, которое обозначаетъ предметъ, прибавляемый къ сказуемому для полноты смысла или указывающій какое-нибудь отношеніе его къ сказуемому. Дополненіемъ можетъ быть или существительное, или мѣстоименіе (съ предлогомъ и безъ предлога). Дополненіе отвѣчаетъ на всѣ вопросы косвенныхъ падежей. Сказуемое, кромѣ того, можетъ имѣть при себѣ и два дополненія, напр., одно въ винительномъ, а другое

въ творительномъ падежѣ, причемъ одно изъ нихъ можетъ обозначать лицо, а другое — вещь. Дополненіе для болъшей полноты смысла можетъ имѣть при себѣ опредѣленіе.

IV. Пользованіе разученнымъ матеріаломъ (упражненіе). Ученикамъ предлагается отыскать всѣ дополненія въ какой-нибудь статьѣ, указать, какія изъ нихъ стоятъ въ родительномъ падежѣ, какія въ дательномъ и т. д., составить такое предложеніе, въ которомъ дополненіемъ было бы лицо или вещь.

Затѣмъ ученики могутъ составить такія предложенія, въ которыхъ сказуемое выражалось бы глаголомъ съ дополненіемъ, или прилагательнымъ съ дополненіемъ, образовать предложенія съ глаголами «нести», «давать», «повиноваться» и т. д.

Если учебный матеріалъ разрабатывается и расчленяется подобнымъ образомъ, если дѣти получаютъ ясныя, выразительныя и прочныя представленія и опредѣленные понятія, то является охота къ ученію, соревнованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ живой и продолжительный интересъ къ объекту, а такое обученіе именно и можетъ обогатить духъ человѣка и заложить основы для религіозно-нравственнаго характера.

Когда ученики въ теченіе долгаго времени освоятся съ разработкой матеріала въ указанномъ направленіи, то позднѣе при болѣе совершенномъ воспріятіи всѣ четыре ступени можно проходить быстрѣе и разрабатывать короче.

Г. Воспитательное обученіе при сообщеніи учебнаго матеріала употребляетъ, наконецъ, правильный внѣшній психологическій приѣмъ. Если пунктъ В. вводитъ насъ въ область методы, т. е. строго закономѣрнаго и необходимаго порядка или прочно установленнаго направленія, котораго придерживаются при обученіи для достиженія извѣстныхъ глубокообдуманыхъ цѣлей, то пунктъ Г. вводитъ насъ въ область системы обученія, какъ внѣшняго приѣма или способа сообщенія учебнаго матеріала. Обѣ эти области, метода и система обученія, должны быть строго научно раздѣлены.

Метода и система обученія играютъ значительную роль и основаны на строгомъ изученіи психологическихъ фактовъ, такъ какъ признано за достовѣрное, что всѣ человѣческія души въ своихъ представленіяхъ, мысляхъ, чувствахъ и волѣ въ общемъ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Для разработки извѣстнаго учебнаго матеріала существуютъ и извѣстные метода и система обученія, признанныя всѣми педагогами за цѣлесообразныя. Поэтому неосновательно говорятъ нѣкоторые: «Каждый учитель представляетъ собою методу» или «Каждый учитель вырабатываетъ для себя свою собственную методу». Вовсе нѣтъ. Каждый учитель обладаетъ только правомъ имѣть, такъ сказать, свою собственную манеру обученія; въ остальномъ же онъ подчиняется общему и строгому кодексу методы, какъ нѣкогда всѣ французы подчинялись кодексу Наполеона I. Методъ собственно есть только двѣ: 1) аналитическая, которая разлагаетъ и уясняетъ уже прежде бывшія у воспитанника представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ пополненія, направленія и приведенія ихъ въ порядокъ, подготавливаетъ почву для воспріятія сѣмени, и 2) синтетическая или расширяющая, которая, выводя умъ воспитанника за данные ему предѣлы, насаждаетъ въ немъ новыя сѣмена.

Синтетическая метода, въ свою очередь, можетъ распаться на а) излагающую, которая предлагаетъ новые факты или сообщаетъ отдѣльныя представленія о предметахъ, какъ это бываетъ, на примѣръ, преимущественно въ исторіи и географіи, и в) выводящую, которая изъ даннаго основнаго положенія образуетъ новыя понятія, законы и правила (на примѣръ, въ геометріи).

Каждая изъ этихъ методъ хороша тамъ, гдѣ она умѣстна; но нужно замѣтить, что воспитательное обученіе наиболѣе пользуется выводящею методой, такъ какъ она возбуждаетъ высшіе интересы, въ особенности же интересъ спекулятивный.

Что же касается до системъ обученія, то научная педагогія различаетъ между ними слѣдующія:

1. Диктическая (наглядная) 2. Акроаматическая, кото- рая состоитъ въ непрерыв- номъ разсказѣ учителя.	}	Въ обоихъ этихъ случаяхъ вся дѣятельность принадле- житъ одному учителю.
3. Діалогическая или кати- хетическая, состоящая въ свободномъ разговорѣ между учителемъ и ученикомъ.	}	Въ этихъ случаяхъ дѣя- тельность принадлежитъ какъ
4. Эвристическая, которая пу- темъ цѣлаго ряда вопросовъ побуждаетъ учениковъ къ самостоятельному опредѣле- нію какого-либо понятія, или закона.	}	учителю, такъ и ученику.

При опредѣленіи пригодности каждой изъ этихъ системъ мы можемъ руководиться степенью возбужденія, или само-дѣятельности въ воспитанникѣ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и можетъ проявиться у него дѣятельность въ ученіи и расположеніе къ ней.

Ясно, что съ этой точки зрѣнія на всѣхъ ступеняхъ обученія — низшей, средней и высшей — господствующее мѣсто должна занять эвристическая система, а рядомъ съ нею діалогическая. При ихъ примѣненіи учитель будетъ поступать правильно психологически, такъ какъ такимъ образомъ онъ будетъ заставлять воспитанника доискиваться того или другого познанія тѣмъ путемъ, какимъ слѣдовалъ человѣчскій умъ раньше, когда онъ открывалъ истину въ первый разъ, т. е. путемъ генетическимъ. «Эвристическій» и «генетическій» — это драгоцѣнные слова, которыя слѣдуетъ надписать золотыми буквами надъ дверями всякой школы. Не должно предлагать юношеству отвлеченные результаты науки въ видѣ готовыхъ истинъ, но ихъ должны отыскивать сами ученики, конечно, при помощи учителя. По Дистервегу умственные силы укрѣпляются только чрезъ тѣ истины, которыя мы сами отыскали, рассмотрѣли и обдумали; онъ полагаетъ, что умъ человѣка развиваютъ не унаслѣдованныя, традиціонныя

истины, а только истины, добытыя его собственными усилиями. А по Циллеру*) то, что приобретено самимъ человекомъ и превратилось въ определенное убѣжденіе, согрѣваетъ даже чувство. Поэтому слѣдуетъ доставить ученику возможность пользоваться благороднымъ наслажденіемъ въ томъ, что онъ самъ отыскалъ или выработалъ.

Но и другія системы обученія, если только онѣ умѣстно примѣняются, имѣютъ свои относительныя достоинства. Такъ, при излагающемъ преподаваніи, когда нужно связать слишкомъ длинный рядъ мыслей, или составить систему ради приобретенія общаго обзора пройденнаго, требуется акроматическая система. Необходимость же наглядной системы, въ особенности при начальномъ обученіи, понятна сама собою, такъ какъ твердо установлено, что при обученіи слѣдуетъ держаться индуктивнаго метода, т. е. переходить отъ конкретнаго къ абстрактному и притомъ, по возможности, нагляднѣе. Отдѣльныя представленія должны такъ обрабатываться, чтобы изъ нихъ вытекали понятія высшаго порядка. Только послѣ составленія системы можно спуститься съ Олимпа обобщенности къ отдѣльнымъ явленіямъ. Не слѣдуетъ соблазняться извѣстнымъ правиломъ вульгарной педагогики: «Отъ простаго къ сложному» и смѣшивать начальныя основанія съ элементами обученія. Конкретное (начальное основаніе) всегда бываетъ сложнымъ; только путемъ анализа и отвлеченія мы получаемъ элементы, простое. Поэтому психологически правильнѣе будетъ, если обученіе отъ явленія переходитъ къ простымъ процессамъ, отъ тѣла къ плоскости, отъ линіи къ точкѣ, отъ предложенія къ слову и его формамъ, отъ слова къ звукамъ и т. д.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе на очень важный пунктъ при обработкѣ учебнаго матеріала, — именно, на упражненіе. Если охота къ ученію должна являться результатомъ интереса, то результатомъ знанія воспитанника должно явиться умѣніе примѣнять его на дѣлѣ, а это дости-

*) Vorlesungen über allgemeine Pädagogik. Leipzig. 1876. § 27.

гается только благодаря правильному и такимъ образомъ согласному съ ученіемъ психологіи упражненію, т. е. частому повторенію извѣстной дѣятельности съ цѣлью изученія. Между прочимъ, къ упражненію относятся и такъ называемыя репетиціи и заучиваніе на память.

Благодаря дѣльному упражненію ученикъ пріобрѣтаетъ способность преодолевать техническія трудности и свободно примѣнять свои силы. Уже не говоря о томъ, что упражненіе въ быстромъ и вѣрномъ употребленіи какого-нибудь искусства, напр. чтенія, письма, счета, рисованія, имѣетъ очень важное значеніе для послѣдующей жизни, мы найдемъ правильное упражненіе цѣннымъ членомъ въ ряду вспомогательныхъ средствъ для воспитательнаго обученія. Оно не должно быть только механической работой или безжизненной дрессировкой, но должно быть разумнымъ дѣломъ, образующимъ душу воспитанника и основывающимся на его интересѣ и охотѣ къ ученію.

Теперь постараемся изложить вкратцѣ главные положенія нашего разсужденія.

3. Положенія, касающіяся воспитательнаго обученія.

1) Нельзя назвать воспитательнымъ такое обученіе, которое своею главною цѣлью имѣетъ только сообщеніе ученику знаній и умѣнья, не обращая вниманія на образованіе его воли.

2) Напротивъ, воспитательное, или педагогическое обученіе путемъ возбужденія въ воспитанникѣ многосторонняго интереса созидаетъ и формируетъ въ немъ такой кругъ мыслей, результатомъ котораго является религіозно-нравственный характеръ.

3) Рядомъ съ воспитательнымъ, обученіемъ должно идти воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ видѣ непосредственнаго воздѣйствія на волю воспитанника для образованія въ немъ религіозно-нравственнаго характера (посредствомъ примѣровъ, наказаній, обращенія и т. д.).

4) Забота о развитіи второстепенныхъ добродѣтелей (безсознательныхъ привычекъ), каковы, напр., порядокъ, чистоплотность, аккуратность, прилежаніе, вниманіе, тихое сидѣніе въ классѣ, внѣшнее послушаніе, составляетъ первое условіе и опору воспитательнаго обученія, устраняя препятствія къ воспитанію и обученію (дисциплина).

5) Воспитательное обученіе можетъ и должно имѣть мѣсто на всѣхъ ступеняхъ обученія, начиная съ элементарной.

6) Центромъ для воспитательнаго обученія служатъ религіозныя и нравственныя идеи.

7) Нравственно-религіозное ученіе оно предлагаетъ юношеству въ видѣ цѣннаго историческаго матеріала, соответствующаго дѣтскому развитію и изложеннаго въ конкретной формѣ.

8) Этотъ цѣнный, классическій повѣствовательный матеріалъ (басни, сказки, легенды, параболы, стихотворенія, библейскіе рассказы, очерки лицъ и эпохъ изъ всемірной исторіи), разработка котораго имѣетъ цѣлью обученіе образа мыслей въ воспитанникѣ, долженъ дополняться изученіемъ географіи, естествовѣдѣнія и математики, равно какъ и изученіемъ языковъ и искусствъ (дополнительное обученіе).

9) Здѣсь имѣетъ мѣсто концентрація обученія, т. е. связь неисторическихъ свѣдѣній какъ между собою, такъ и съ обученіемъ образа мыслей ради объединенія многообразнаго и единства сознанія воспитанника. Но есть и ложная концентрація, которая злоупотребляетъ этимъ принципомъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшиваетъ все отрасли знаній и совершенно уничтожаетъ относительную самостоятельность учебныхъ предметовъ.

10) Въ формальномъ отношеніи на каждой ступени обученія аналитическая работа должна предшествовать синтетической. Аналитическое обученіе обрабатываетъ умственную почву для воспріятія новаго, т. е. расчленяетъ, направляетъ и располагаетъ въ извѣстномъ порядкѣ уже

знакомыя представленія о новомъ предметѣ обученія; синтетическое же затѣмъ на обработанной и подготовленной такимъ образомъ почвѣ сѣетъ новыя умственныя сѣмена.

11) При разработкѣ каждой методической единицы воспитательное обученіе проходитъ слѣдующія четыре формальныя ступени: а) ступень разяснительную (образование точнаго представленія о каждой отдѣльной части разсматриваемаго предмета), в) ступень ассоціаціи (приводятся уже извѣстные случаи и примѣры, соотвѣтствующіе разсматриваемому предмету), с) ступень системы (сопоставленіе уже найденныхъ понятій и обобщеній и расположеніе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ) и 4) ступень употребленія разученного матеріала (результаты обученія дополняются, примѣняются на дѣлѣ и закрѣпляются въ памяти учениковъ; разсматриваніе системы въ другомъ порядкѣ).

12) Самыя важныя учебныя системы для воспитательнаго обученія (т. е. внѣшніе приемы сообщенія учебнаго матеріала) суть: диктическая (наглядная), діалогическая, но предпочтительно предъ всѣми эвристическая. Акроматическая система на своемъ мѣстѣ тоже имѣетъ свое относительное достоинство.

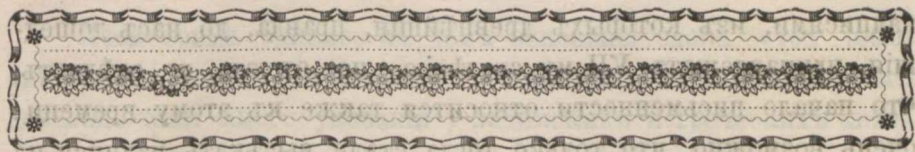
13) Важное значеніе для воспитательнаго обученія имѣетъ упражненіе, если только оно согласно съ ученіемъ психологіи и соединено съ самодѣятельнымъ интересомъ воспитанника.

Мысли великихъ людей.

Наши заведенія въ полномъ смыслѣ слова — учебныя заведенія, и мы сами — учителя, отнюдь не воспитатели. Отчего это произошло объяснять здѣсь не мѣсто, но несомнѣнно одно, что мы преслѣдуемъ исключительно научныя цѣли. Повѣряя результаты нашихъ трудовъ на испытаніяхъ, мы требуемъ отъ ученика прежде всего фактическаго знанія, — пожалуй, въ извѣстной мѣрѣ, формальнаго развитія, но не болѣе. При естественномъ состояніи общества такой порядокъ вещей былъ бы совершенно законенъ. Тогда ребенокъ, получая въ семействѣ доброе нравственное направленіе, въ школу могъ бы приходиться только за научнымъ матеріаломъ. Между тѣмъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ, уже не трудно замѣтить, какъ далеко мы отъ такого идеала. Если наши учебныя заведенія, несмотря на всю неудовлетворительность обученія, все же еще выпускаютъ ученика съ запасомъ систематическихъ и въ извѣстной мѣрѣ, отчетливыхъ свѣденій, то наши семейства слишкомъ чужды не только исполненія, даже правильнаго пониманія своего долга. Особенно это слѣдуетъ сказать про тѣхъ, которые, и по средствамъ, и по своему общественному положенію, занимаютъ низшія ступени общества.

Н. И. Пироговъ. Сочин. Т. II. стр. 480.
(Изд. 1887 г.)

Ко вопросу о литературной дѣятельности Писистрата.

Л. Гиттерманъ, Вахмутъ.

Вопросъ о литературной дѣятельности, предпринятой по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ будто-бы Писистратомъ, долгое время служилъ предметомъ спора между учеными и до сихъ поръ еще не можетъ считаться вполне рѣшеннымъ. Возбужденъ былъ онъ знаменитымъ филологомъ Фр. Авг. Вольфомъ, выступившимъ въ 1795-омъ году съ извѣстнымъ сочиненіемъ «Prolegomena ad Homerum», заинтересовавшимъ не только филологовъ-специалистовъ, но, можно сказать, все образованное общество того времени.

Вольфъ, какъ извѣстно, старался доказать, что Иліада и Одиссея не принадлежать одному поэту Гомеру, а сочинены многими пѣвцами; въ подтвержденіе своей гипотезы онъ приводитъ два главныхъ аргумента; 1) якобы несуществованіе во времена Гомера письменности въ Греціи; 2) литературную дѣятельность Писистрата, состоявшую, какъ думаетъ Вольфъ, въ написаніи дотолѣ ненаписаннаго Гомера и въ критической его обработкѣ. — Оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени появленія въ Греціи письменности, замѣтимъ только, что теперь почти всѣми признается, что Вольфъ очень заблуждался, относя распространеніе греческой письменности къ началу VI вѣка до Р. Хр.; дѣло въ томъ, что это прямо опровергается

надписями, изъ которыхъ древнѣйшія, правда, до насъ дошедшія, принадлежатъ VII-му столѣтію, но отсюда не слѣдуетъ, что начало письменности относится также къ этому времени: очень возможно, что только тогда стали высѣкать надписи на камнѣ или металлѣ, а раньше хорошо писали на чемъ-нибудь другомъ, напр., на корѣ, что, конечно, не могло сохраниться до нашего времени.

Противъ Вольфа первыми выступили и, какъ намъ кажется, доказали несостоятельность его взгляда Крейзеръ (Kreuzer) и Ничъ (Nitzsch); затѣмъ только съ 1870-го года начало быстро увеличиваться число противниковъ Вольфа въ этомъ отношеніи: Бергкъ (Griechische Literaturgeschichte I, pag. 195 слл.), Виламовицъ (Wilamowitz: Homerische Untersuchungen) и др. И остается только пожалѣть, если авторъ «исторіи греческой литературы», вышедшей (въ первомъ изданіи) въ 1889-мъ году,¹⁾ В. Кристъ считаетъ возможнымъ принять мнѣніе Вольфа относительно греческой письменности.

Но обратимся къ своему предмету. Итакъ, вторымъ доказательствомъ для Вольфа служить такъ называемая «рецензія» Писистрата. Въ началѣ XXXIII-ей главы своихъ «Proleg. ad Hom.» (pag. 109 третьяго изданія cur. Peppmüller, Галле 1884) онъ говоритъ слѣдующее: «Vox totius antiquitatis et, si summam spectes, consentiens fama testatur, Pisistratum carmina Homeri primum consignasse litteris et in eum ordinem redigisse, quo nunc leguntur».

Такимъ образомъ оказывается по Вольфу, что несомнѣнная и безсмертная заслуга созданія Иліады и Одиссеи въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ нынѣ имѣемъ, принадлежитъ не кому другому, какъ Писистрату, который стяжалъ себѣ за это громкую славу учености; если-же древніе писатели, не упоминая о Писистратѣ, одного Гомера осыпаютъ похвалами за замѣчательную стройность Иліады и, въ особенности, Одиссеи, то это Вольфъ объясняетъ просто-на-просто ошибкой.

¹⁾ См. W. Christ: «Griechische Literaturgeschichte» pag. 41 (въ VII-омъ томѣ извѣстной энциклопедіи Iwan-Müller'a).

Посмотримъ однако, на чемъ основаны слова «*vox totius antiquitatis et consentiens fama*». Мы, дѣйствительно, имѣемъ довольно-таки много указаній²⁾ латинскихъ и греческихъ авторовъ (числомъ около 20), и намъ съ главными изъ нихъ необходимо подробнѣй познакомиться, чтобы узнать, о чемъ въ нихъ, собственно, говорится, и заслуживаютъ-ли они полнаго довѣрія, какое къ нимъ питаетъ Вольфъ. — Всѣ свидѣтельства принадлежатъ къ сравнительно позднему времени: древнѣйшее, Цицеронъ,³⁾ относится къ 55-му году до Р. Хр. и гласитъ слѣдующимъ образомъ: «*Septem fuisse dicuntur uno tempore, qui sapientes et haberentur et vocarentur. Hi omnes, praeter Milesium Thalen, civitatibus suis praefuerunt. Quis doctior iisdem illis temporibus, aut cuius eloquentia litteris instructior fuisse traditur, quam Pisistrati? Qui primus Homeri libros, confusos antea, sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus*».

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что интерпретація этого мѣста, которой придерживается Вольфъ, не вѣрна и даже не возможна. Во-первыхъ, Цицеронъ ни слова не говоритъ о написаніи гомеровскихъ поэмъ Писистратомъ; во-вторыхъ, «*liber*», родственное, по всей вѣроятности, съ греческимъ «*λεβηρίς*» (кожа), первоначально означаетъ матеріалъ, которымъ пользовались для письма, впоследствии же получило значеніе тождественное съ «*scriptum*»; слѣдовательно, если до Писистрата были «*Homeri libri*», то и существовалъ *eo ipso* написанный Гомеръ. Далѣе «*confusus*» нельзя иначе понимать, какъ «приведенный въ безпорядокъ»; стало-быть, раньше когда-нибудь пѣсни Гомера были въ надлежащемъ порядкѣ, и Писистрату оставалось только его возобновить. Болѣе ничего нельзя заключить изъ словъ Цицерона. Но можно ли въ данномъ случаѣ положиться на его свидѣтельство? Если принять во вниманіе, что онъ самъ прибавляетъ «*dicitur*», и если вспомнить, что онъ цитуетъ авторовъ по большей части на память, то станеть

²⁾ Всѣ мѣста удобнѣе всего сопоставлены у Sengebusch'a: «*Dissert. hom. posterior*» pag. 27--40; въ Диндорфскомъ изданіи Одиссеи.

³⁾ Cic. de orat. III, 34, 137.

ясно, что его словамъ нельзя придавать большого значенія. — Откуда заимствуетъ, однако, Цицеронъ это извѣстіе? Велькеръ⁴⁾ высказалъ предположеніе, что его источникомъ былъ какой-нибудь поверхностный писатель аѳинскихъ древностей, такъ какъ ему (Вельк.) очень подозрительнымъ казалось слово «*grimus*». Дюнцеръ,⁵⁾ напротивъ того, старается доказать, что источникомъ Цицерону служилъ перипатетикъ Дикеархъ, ученикъ Аристотеля, родившійся въ Мессанѣ (въ Сициліи), но проведшій большую часть своей жизни въ Пелопоннесѣ. Къ этому выводу онъ приходитъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Не непосредственно передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ упоминается дѣятельность Писистрата, мы читаемъ у Цицерона вотъ что: «*sed ut ad Graecos referam orationem, quibus carere in hoc quidem sermonis genere non possumus: nam, ut virtutis a nostris, sic doctrinae sunt ab illis exempla repetenda, septem fuisse dicuntur etc.*». Все это написано по наблюденію нѣкоторыхъ (если вѣрить Дюнцеру) подъ влияніемъ Дикеарха, такъ какъ Диогенъ Лаэртскій въ 40-ой гл. I-ой книги говоритъ слѣдующее: «*ὁ δὲ Δικαίαρχος οὔτε σοφὸς οὔτε φιλοσόφος φησὶν αὐτὸς γεγενῆσθαι, σοφῶν δὲ τινὰ καὶ νομοθετικῶν*». — Если это такъ, то, не заимствовалъ ли Цицеронъ, спрашиваетъ Дюнцеръ, также и слѣдующихъ своихъ словъ, трактующихъ о Писистратѣ, у Дикеарха? Онъ отвѣчаетъ на это утвердительно, основываясь на томъ, что другъ Цицерона, Атикъ очень любилъ произведенія Дикеарха, и любовь эта могла, такимъ образомъ, черезъ него перейти и къ Цицерону.

Это предположеніе ему кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ одномъ письмѣ Цицерона къ Атику (II, 2, 2) встрѣчается такое мѣсто: «*Πελλαγαίων in manibus tenebam et hercule magnum acervum Dicaearchi mihi ante pedes extruxeram. O, magnum hominem, et a quo multo plura didiceris, quam de Pro-cilio, Κορινθίων et Ἀθηναίων puto me Romae habere*» etc.

⁴⁾ См. Welcker «*der epische Cyclus*», I, pag. 361.

⁵⁾ См. Düntzer въ «*Jahrbücher für Philologie*» 1865, pag. 739 сл. перепечатано въ книгѣ: «*Homerische Abhandlungen*» pag. 1—23.

Упомянутыя здѣсь книги *Πελληνάϊων*, *Κορινθίων* и *Ἀθηναίων* (*πολιτεία*) были, можетъ быть, какъ полагаетъ Дюнцеръ, отдѣльными частями, въ цѣлости не дошедшаго до насъ, сочиненія Дикеарха «βίος Ἑλλάδος». — Мнѣніе Дюнцера представляетъ собою ни больше, ни меньше, какъ комбинацію, ибо оно не можетъ быть доказано; вполне справедливо указавъ на это Фольманъ,⁶⁾ обратившій кромѣ того вниманіе на то, что отзывъ Цицерона о Писистратѣ, какъ человѣкѣ, отличавшемся между своими современниками великимъ умомъ, образованностью и краснорѣчіемъ, должно быть, сильно преувеличенъ, такъ какъ ни одинъ древній авторъ кромѣ него ничего не говоритъ, напр., объ ораторскихъ способностяхъ Писистрата.

Очень интересную и, какъ мы думаемъ, вѣроятную конъектуру относительно цицероновскаго источника предложилъ тюбингенскій профессоръ Г. Флахъ,⁷⁾ который считаетъ источникомъ Цицерона пергамскую школу. Дѣло въ томъ, что, отправившись съ ученою цѣлью въ Родосъ и малую Азію и пробывъ тамъ отъ 79—77 г. д. Р. Хр., Цицеронъ необходимо приходилъ въ соприкосновеніе съ пергамскими учеными, которые въ то время, какъ извѣстно, пользовались въ тѣхъ мѣстахъ большимъ вліяніемъ. Кромѣ того, Цицеронъ былъ ученикомъ Посидонія Родосскаго (род. въ 135 г. до Р. Хр.), наставникомъ же этого послѣдняго былъ Панетій (185—112 до Р. Хр.), ученикъ самого основателя пергамской школы Кратета Маллотскаго. А пергамскіе ученые вообще — Кратетъ въ частности — занимаясь толкованіемъ греческихъ комиковъ и трагиковъ, не оставляли, вѣроятно, безъ вниманія и греческаго эпоса, въ томъ числѣ и Гомера. Но почему, могутъ спросить, именно Пергамцы стали раздувать литературную дѣятельность Писистрата? На это Флахъ даетъ резонный отвѣтъ: между александрійской и пергамской школой существовало соревнованіе; послѣдняя изъ всѣхъ силъ старалась уалитъ

⁶⁾ См. «Geschichte u. Kritik d. Wolf. Prol.» pag. 347 слл.

⁷⁾ Н. Flach, «Peisistratos und seine litterarische Thätigkeit». Tübingen 1885. pag. 3 сл. и 25 сл.

ученыя заслуги первой, претендуя съ своей стороны на первенство въ дѣлѣ толкованія Гомера и критики его текста. Кратеть, надо полагать, сдержанно и не входя въ подробности трактоваль о литературномъ значеніи Писистрата, но по мѣрѣ возрастанія соперничества между учениками Аристарха и его собственными, ореоль Писистратовой славы становился все ярче и ярче.

Второе по времени свидѣтельство о Писистратѣ принадлежитъ Павсанію, жившему въ царствованіе Адріана и Антониновъ, и написавшему *περίήγησις τῆς Ἑλλάδος* въ X-ти книгахъ. Въ VII, 26, 13 онъ передаетъ слѣдующее: «находящійся между Эгирой и Пелленой (городами, лежащими на востокѣ Ахай) подвластный Сикіонцамъ городъ, называемый Донуса (*Δονοῦσα*) былъ разрушенъ Сикіонцами; говорятъ, что и Гомеръ упомянулъ его въ спискѣ кораблей Агамемнона въ слѣдующихъ словахъ: «οἱ δ' Ὑπερῆσιν τε καὶ Αἰπεινῇ Δονόεσσαν». Далѣе продолжаетъ Павсаній такъ: «Πεισίστρατον δέ, ἦνίκα ἔπη τὰ Ὀμήρου διεσπασμένα τε καὶ ἄλλα ἀλλαχοῦ μνημονεύμενα ἠδροίζετο, ἢ αὐτὸν Πεισίστρατον, ἢ τῶν τινα ἐταίρων μεταποιῆσαι τὸ ὄνομα ὑπὸ ἀγνοίας». — Въ цитуемомъ Павсаніемъ стихѣ, В, 573, дѣйствительно, читаемъ *Δονόεσσα*, а не *Δονόεσσα*. Но весьма удивительно прежде всего то, что о разногласіи чтеній этого стиха намъ ничего неизвѣстно, кромѣ сообщаемого Павсаніемъ, который, однако, пользовался гомеровскимъ текстомъ, установленнымъ критически александрійскими учеными, т. е. тѣмъ самымъ, которымъ нынѣ пользуемся и мы. Едвали поэтому можетъ подлежать сомнѣнію, что этотъ рассказъ Павсанія есть только результатъ вымысла какого-нибудь мѣстнаго сикіонскаго или пелленскаго литератора, желавшаго, очевидно, помѣстить также сосѣдній городъ въ каталогъ кораблей Агамемнона.⁸⁾ Что-же узнаемъ мы положительнаго изъ этого мѣста? Собственно говоря, очень немного; во-первыхъ, Павсаній не сообщаетъ, ктѣ именно *ὑπὸ ἀγνοίας* перемѣнилъ скриптуру, а оставляетъ это въ полной неизвѣстности, выражаясь, какъ мы видѣли, такъ:

⁸⁾ См. Volkmanн въ указан. мѣстѣ pag. 351 сл.

Πισίστρατον ἢ τῶν τινα ἑταίρων. Затѣмъ, прибавляемое имъ слово φασίη несомнѣнно указываетъ, что либо онъ самъ, либо тотъ, у кого онъ черпаетъ это извѣстіе, не желаетъ принимать на себя отвѣтственности за достовѣрность сообщаемого.

О самой дѣятельности Писистрата нашъ авторъ, подобно Цицерону, говорить лишь вскользь и мимоходомъ, характеризуя ее словомъ ἠδρρίζετο; слѣдовательно, Писистратъ по свидѣтельству Павсанія собралъ въ одно цѣлое гомеровскія поэмы, которыя до него были «разорваны» (δισπασμένα) и распѣвались частью въ одномъ, частью въ другомъ мѣстѣ. О томъ же, что будто-бы онъ первый создалъ писанный экземпляръ Гомера, не говорится ни единого слова; скорѣе, напротивъ, можно заключить, что однажды (конечно, до Писистрата) произведенія Гомера существовали въ письмѣ, но затѣмъ были повреждены и Писистратъ сообщилъ имъ, по словамъ Павсанія, ихъ прежній характеръ. Само собою разумѣется, что это свидѣтельство наравнѣ съ цицероновскимъ не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія Вольфа.

Далѣе слѣдуетъ Эліанъ, сохранившій намъ также замѣтку о Писистратѣ въ своемъ XIV-ти книжномъ сочиненіи «ποικιλὴ ἱστορία» (пестрая исторія); онъ жилъ въ Римѣ во времена Септимія Севера и былъ учителемъ краснорѣчія. Въ 13-ой главѣ XIII-ой книги онъ говоритъ, что въ древности произведенія Гомера пѣлись отдѣльными частями (διηρημένα); вслѣдъ затѣмъ перечисляются названія рапсодій, изъ которыхъ образовалась Иліада и Одиссея. «Только послѣ, продолжаетъ Эліанъ, гомеровскія стихотворенія, собранныя вмѣстѣ, были принесены въ Грецію Ликургомъ; привезъ же онъ ихъ изъ Іоніи, когда ѣздилъ туда. Впослѣдствіи уже Писистратъ, соединивъ ихъ, составилъ Иліаду и Одиссею (συναγαφὸν ἀπέφηνε τὴν Ἰλιάδα καὶ Ὀδύσσειαν)». По мнѣнію Фолькмана⁹⁾ Писистратъ является у Эліана не собирателемъ, а только лишь «редакторомъ» Гомера, такъ какъ не ему, а Ликургу приписывается дѣятельность собирателя. Въ данномъ случаѣ съ Фолькманомъ, пола-

⁹⁾ См. Volkmann, тамъ же pag. 352.

гаемъ мы, трудно согласиться, ибо слово *συναγωγὴ* прямо показываетъ, что Писистрату тоже принадлежала подобная роль; соединить же оба извѣстия о собираніи гомеровскихъ поэмъ съ одной стороны Ликургомъ, съ другой — Писистратомъ можно, думаемъ мы, слѣдующимъ объясненіемъ: Ликургъ собиралъ Гомера въ Іоніи, а Писистратъ въ Элладѣ; сверхъ того дѣломъ послѣдняго было будто-бы «редактировать» стихотворенія Гомера; такоеъ смыслъ слова *ἀπέφηγε*. Впрочемъ, Ликургъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ¹⁰⁾ есть личность во все не историческая, а мифическая, представляющая собою перенесеннаго на спартанскую почву Солона.

Такимъ образомъ, и это свидѣтельство не доказываетъ того, что Гомеръ до Писистрата не былъ написанъ, ибо о написаніи его П—омъ Эліанъ въ приведенномъ мѣстѣ не говоритъ ничего.

Наконецъ, софистъ Либаній (отъ 315 — 391 г. послѣ Р. Хр.) дважды касается Писистрата, какъ литературнаго дѣятеля, называя его даже «ὁ μάλιστα σπουδάσας περὶ τὴν Ὀμήρου ποίησιν». Во-первыхъ, въ «сократовской апології» III, 25 (Рейске); во-вторыхъ, въ рѣчи «εἰς Ἰουλιανὸν αὐτοκράτορα ὕπατον» I, 385.

Либаній говоритъ о собираніи гомеров. произведеній Писистратомъ, какъ объ извѣстномъ фактѣ, ни словомъ приэтомъ не упоминая о времени написанія Гомера.

Кромѣ всѣхъ указаній, съ которыми мы познакомились, есть еще нѣкоторыя, относящіяся къ византійскому времени: Свиды, Иоаннъ Цець (Τζέτζης), Евстаѳій и др., но они ничего не сообщаютъ намъ новаго о Писистратѣ.

Въ четырехъ мѣстахъ встрѣчается, неизвѣстно кѣмъ и когда сочиненная, эпиграмма, гласящая такъ:

1. «τρίς με τυραννήσαντα τσαυτάκις ἐξεδίωξε
 δῆμος Ἐρεχθίδος καὶ τρίς ἐπηγάγετο
 τὸν μέγαν ἐν βουλαῖς Πεισίστρατον, ὃς τὸν Ὀμηρον
 ἤθροισα σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον.

¹⁰⁾ См., напр., статью Ed. Meyer'a въ «Rheinisches Mus». 1887, pag. 87 слд.

ἤμέτερος γὰρ κείνος ὁ χρύσεος ἦν πολιήτης, Πίσιστρατος δὲ εἶπερ Ἀθηναῖοι Σμύρναν ἐποχίσασμεν».

Хотя время ея возникновенія съ точностью опредѣлить нельзя, мы тѣмъ не менѣе вправѣ отнести ее приблизительно ко 2-му столѣтію до Р. Хр. на томъ основаніи, что она несомнѣнно носить демонстративный характеръ; а намъ извѣстно, что составленіе подобныхъ эпиграммъ¹¹⁾ было, можно сказать, въ модѣ въ то время, когда александрійскіе и пергамскіе ученые приводили въ порядокъ, критиковали и комментировали произведенія древнихъ писателей, т. е., начиная съ Аристофана византійскаго и Кратета. Правда, Велькеръ¹²⁾ высказался отчасти противъ того, что настоящая эпиграмма принадлежитъ къ числу демонстративныхъ; но большинство склоняется во всякомъ случаѣ къ противоположному мнѣнію. Могла ли, въ самомъ дѣлѣ, когда-либо въ Аѣнахъ существовать статуя Писистрату съ подобнаго рода надписью? Это съ полнымъ правомъ отрицаетъ Фолькманъ; во-первыхъ, ни самъ Писистратъ, ни его сыновья (еслибы они поставили эту статую) не стали бы говорить объ изгнаніи, да еще о троекратномъ, тогда какъ въ дѣйствительности Писистратъ былъ изгнанъ лишь 2 раза: въ 554-омъ году, затѣмъ семь лѣтъ спустя. Кромѣ того, при господствѣ въ Аѣнахъ демократіи мысль о постановкѣ статуи Писистрату a priori не допустима. Далѣе, содержаніе эпиграммы отчасти странно: 1) Писистратъ названъ «ὁ μέγας ἐν βοῦλαῖς», подобнаго эпитета ему не прилагаетъ ни одинъ авторъ; 2) Смирна считается аѣинскою колоніей; это указываетъ на позднее происхожденіе эпиграммы, ибо въ болѣе древнія времена, какъ подтверждаютъ свидетельства нѣкоторыхъ авторовъ¹³⁾, Смирна всегда называлась эолійскою колоніей. Эта самая эпиграмма приводится также въ IV-ой и V-ой біографіи (см. Westermann: *βιογραφοί* pag. 27 и 29) Гомера; въ послѣдней она служитъ доказательствомъ

¹¹⁾ См. Флаха pag. 5 слд. и Volkmann pag. 355.

¹²⁾ Ер. Cycl. I, pag. 360.

¹³⁾ См. Düntzer: «Homerische Fragen», pag. 40.

дѣятельности Писистрата: «ὡς δηλοῖ τὸ φερόμενον ἐπίγραμμα Ἀθήνησι ἐπιγεγραμμένον ἐν εἰκόνι αὐτοῦ τοῦ Πεισιστράτου».

Авторъ, слѣдовательно, считаетъ за фактъ существованіе въ Афинахъ статуи П—ту, что на основаніи вышесказаннаго не мыслимо, и, потому, мы не можемъ съ довѣріемъ относиться къ этому свидѣтельству.

Велькеръ ¹⁴⁾ первый сдѣлалъ скромное предположеніе, упомянувъ его только между прочимъ, что эта эпиграмма, можетъ быть, послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ извѣстій о Писистратѣ. Послѣ него и независимо отъ него та же мысль пришла въ голову датскому филологу Нутцгорну ¹⁵⁾, обосновавшему ее и положительно доказавшему ея справедливость. Онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на поразительное сходство выраженій, характеризующихъ дѣятельность Писистрата; вмѣсто слова ἤδρασα, которое мы читаемъ въ эпиграммѣ, одинъ употребляетъ ἠδροίζετο, другой — συνήγαγεν, третій — κατὰ τάξιν συνετέθησαν, четвертый — collegit (Авзоній въ 18-ой эпиграммѣ, стихъ 28), пятый — disposuit и проч.; слова эпиграммы спорάδην ἀειδόμενον описываются авторами такъ: спорάδην ἀναγινωσκόμενα, διηρημένα ἤδον, διασπασμένα, laceti, confusos и т. д. Это по истинѣ замѣчательное сходство выраженій неопровержимо доказываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ самостоятельными и одно отъ другого независимыми сужденіями, а, напротивъ, съ цѣлымъ рядомъ извѣстій, описывающихъ одно и то же явленіе и почти тѣми же словами, что и свидѣтельствуемъ объ ихъ общемъ источникѣ. Впрочемъ, едвали будетъ правильно, что эта эпиграмма была источникомъ для всѣхъ безъ исключенія свидѣтельствъ о Писистратѣ, а вѣрнѣй допустить, что только для извѣстій позднѣйшаго времени, какъ на это справедливо указалъ Флахъ; у Цицерона, напр., мы видимъ, по всей вѣроятности, результатъ пергамской учености, который не долженъ быть поставленъ въ зависимость отъ эпиграммы, возникшей также, по предположенію Флаха, въ пергамской школѣ; ибо едвали знали

¹⁴⁾ Ep. Cycl. I, 361: «Vielleicht ist diese Inschrift sogar die Hauptquelle gewesen, woraus die übrigen Angaben geflossen sind».

¹⁵⁾ См. Nutzhorn: «Entstehungsweise der homer. Gedichte» pag. 63.

Цицеронъ сборники греческихъ эпиграммъ, если ужъ самъ Марціалъ, интересовавшійся подобнаго рода литературой, имѣлъ довольно слабыя въ ней познанія.

Мы разобрали, такимъ образомъ, главнѣйшія мѣста авторовъ, касающіяся литературной дѣятельности Писистрата; остается упомянуть еще одно свидѣтельство¹⁶⁾, въ которомъ, дѣйствительно, говорится, что до Писистрата стихотворенія Гомера не были написаны, а передавались устно изъ рода въ родъ; онъ же велѣлъ ихъ будто-бы написать, чтобы они сохранились для потомства (*Πεισίστρατος δὲ ἠθέλησε τὴν Ὅμηρον ποιῆσιν ἔγγραφον διαφυλάττεσθαι*). Затѣмъ разсказывается, что Писистратъ устроилъ состязаніе, на которое пригласилъ всѣхъ, знакомыхъ съ произведеніями Гомера и умѣвшихъ ихъ декламировать, пообѣщавъ платить за каждый стихъ по оболу. Такъ удалось ему собрать и написать Гомера при помощи ученыхъ людей. Далѣе слѣдуютъ слова «ὡς καὶ τὸ ἐπίγραμμα αὐτοῦ δηλοῖ». Стало-быть, авторъ этого разсказа приводитъ какъ доказательство его вѣрности эпигramму, въ которой ничего не сообщается изъ того, что передаетъ онъ. Сверхъ того, весь разсказъ носитъ характеръ басни или вымысла.

Кромѣ всего сказаннаго конъектура Вольфа о литературной дѣятельности Писистрата въ высшей степени невѣроятна еще и по слѣдующимъ тремъ соображеніямъ.

1. Болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ до него существовали писатели: Каллинь, Тиртей, знакомые съ письмомъ; было бы весьма странно, еслибы любимѣйшій греческій поэтъ — Гомеръ оставался ненаписаннымъ въ то время, когда менѣе извѣстные поэты: Каллинь и Тиртей давнымъ-давно были написаны. Если на это возразятъ, что названные поэты — лирики, а не представители эпической поэзіи, то можно привести, напр., и эпическихъ поэтовъ, задолго до Писистрата существовавшихъ въ письмѣ, таковы авторы сочиненій *Κύπρια* и *Αἰθιοπία*.

2. Въ сочиненіи *Κύπρια* разсказывались событія, предшествовавшія тому, что мы читаемъ въ *Иліадѣ*; *Αἰθιοπία*,

¹⁶⁾ Villoison: «Anecdota» II, pag. 182.

произведеніе, принадлежащее Арктину (VIII-го столѣтія до Р. Хр.), примыкаетъ въ своемъ содержаніи какъ разъ къ послѣднему стиху 24-ой пѣсни Иліады; если бы во времена Арктина поэмы Гомера были разбросаны и не написаны, то, очевидно, онъ не могъ бы начать своего разсказа съ того момента, которымъ оканчивается Иліада; или же слѣдовало бы допустить, что Писистратъ, собирая стихотворенія Гомера, такъ приладилъ ихъ, что они вполне подходили къ *Ἄθροισις*.

3. Возникая на основаніи народныхъ пѣсенъ, эпопея всегда создается въ то время, когда въ народъ проникаетъ культура, когда онъ становится грамотнымъ; культура коснулась греческаго народа не при Писистратѣ, а гораздо раньше него; слѣдовательно, и возникновеніе эпопей (Иліады и Одиссеи) у Грековъ необходимо отнести ко времени, предшествующему Писистрату.

Предположеніе Вольфа о Писистратѣ, какъ создателѣ единства въ произведеніяхъ Гомера, впервые написавшемъ ихъ, вполне раздѣляетъ одинъ лишь Лахманъ; другіе же филологи принимаютъ мнѣніе Вольфа съ модификаціей; напр., Гугъ (Hug) держался того взгляда, что дѣятельность Писистрата имѣла характеръ болѣе или менѣе критической работы, и что его цѣлью было приготовить, такъ-сказать, новое изданіе Гомера. Hug не могъ согласиться съ В. потому, что былъ убѣжденъ въ болѣе раннемъ развитіи письменности въ Греціи, нежели это думалъ В. Рауне-Knight былъ приблизительно одинаковаго съ Hug'омъ мнѣнія, но основывалъ его на томъ, что аттическіе авторы, въ особенности ораторы и историки, совершенно игнорируютъ литературную дѣятельность Писистрата. Многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ примкнули къ мнѣнію, что П. ограничился рецензіей гомеровскихъ поэмъ; но съ 1862 года сильно поблекла слава Писистрата послѣ того, какъ Лерсъ¹⁷⁾, опираясь, главнымъ образомъ, на то, что александрійскіе критики никогда, насколько намъ извѣстно, не ссылаются на чтенія Писистрата, объявилъ всю мнимую дѣятельность его легендой.

¹⁷⁾ См. «Rheinisches Museum», томъ XVII, pag. 481.

«Правда, Ричль, говоритъ Лерсъ, хотѣлъ объяснить это молчаніе Александрійцевъ тѣмъ, что писистратовскій экземпляръ сдѣлался будто-бы вульгатой всѣхъ рукописей Гомера, но тѣмъ не менѣе оно крайне странно, въ особенности въ виду того, что Аристархъ, считавшій Гомера аеиняниномъ, подмѣчалъ встрѣчающіеся у него аттицизмы». Лерсу послѣдовалъ Фолькманъ, Людвигъ ¹⁸⁾ и Виламовицъ; наконецъ и Флахъ, пришедшій къ тому результату, что «всѣ извѣстія о Писистратѣ происходятъ изъ мегарскихъ источниковъ, не имѣющихъ научнаго значенія, и что они впоследствии были распространены черезъ посредство пергамскихъ филологовъ и стоиковъ, съ жадностью подхватившихъ эти извѣстія, чтобы, съ своей стороны, умалить литературныя заслуги Александрійцевъ». Этотъ выводъ заслуживаетъ вниманія, и не даромъ Людвигъ (стр. 404) находитъ, что изъ всего написаннаго послѣ Лерса о Писистратѣ первое по важности мѣсто принадлежитъ, именно, небольшой книжкѣ Флаха.

---

¹⁸⁾ Ludwich: «Aristarchs homerische Textkritik», II, pag. 390—404.

Но в то время конюшеского нѣ существовали, хотя въ небольшомъ количествѣ, частныя школы. По крайней мѣрѣ въ существованіи учебнаго основанія можно заключать изъ того, что въ правнѣ князя Углича, данномъ князю Петру (1313 г.) князь обещался между прочими градоустроителю и учителямъ давати дань, а именно: «установити мѣста и учить быти вѣдущимъ и грамотникамъ»).

Изъ того же времени происходятъ отчетливѣе выдѣляющіяся въ общественной жизни налагае монастырское хозяйство монастырей и въ особенности Троице-Сергиевскаго монастыря.

Троице-Сергиевскій монастырь былъ основанъ въ центрѣ Россіи и волею судьбы занялъ въ историческомъ и политическомъ отношеніи такое же значеніе, какое въ политическомъ и общественномъ отношеніи занялъ въ западной Европѣ монастырь Триента-Сервуса. Троице-Сергиевскій монастырь такъ же любилъ къ книгамъ, была также деятельность въ распространеніи грамотности по русской землѣ.

Уже основатель и первый его игуменъ, преп. Сергій, отъ себя любилъ къ книгамъ и грамотѣ, и не только въ монастырскомъ училищѣ, но и въ обществѣ, и въ княжескомъ дворѣ. Преподобный Сергій, въ своемъ житіи, описывая, какъ онъ въ юности обучалъ князя, описываетъ, какъ онъ обучалъ князя грамотѣ и книгамъ.

Приложенія.

Въ своемъ житіи Сергій описываетъ, какъ онъ обучалъ князя грамотѣ и книгамъ. Желая, чтобы князь, обучаясь грамотѣ, не забывалъ о Богѣ и о спасеніи души, онъ началъ читать ему Священное Писаніе и житія святыхъ. Чтобы князь не забывалъ о Богѣ, онъ началъ читать ему житія святыхъ. Чтобы князь не забывалъ о Богѣ, онъ началъ читать ему житія святыхъ. Чтобы князь не забывалъ о Богѣ, онъ началъ читать ему житія святыхъ.

На Сергій, въ эту пору, возлагалось, какъ сына, воспитаннаго княземъ, обучать князя грамотѣ и книгамъ. По смерти родителей

РІНӨЖОЛНҚІІ

Но и во время монгольскаго ига существовали, хотя въ небольшомъ количествѣ, частныя школы. По крайней мѣрѣ о существованіи учебнаго сословія можно заключать изъ того, что въ ярлыкѣ хана Узбека, данномъ митр. Петру (1313 г.) ханъ обращается между прочими гражданскими лицами также къ «книжникамъ, уставодержальникамъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ»^{*)}.

Въ тяжелую годину народныхъ бѣдствій выдвигается съ особенной силой важное воспитательное значеніе монастырей и въ особенности Троице-Сергіевскаго монастыря.

Троице-Сергіевскій монастырь былъ основанъ въ центрѣ Россіи и вскорѣ пріобрѣлъ большую извѣстность и значеніе. Подобно Кіево-Печерской Лаврѣ и монастырь Троице-Сергіевскій питалъ такую же любовь къ книгамъ, былъ также дѣятеленъ въ распространеніи просвѣщенія по русской землѣ.

Уже основатель и первый его игумень, преп. Сергій, отличался любовью къ просвѣщенію и книгамъ, хотя и не могъ, по недостатку средствъ, вполне удовлетворять эту любовь. Православная церковь, ублажая его въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, справедливо говоритъ, что онъ «явился яко рѣка, обильно всю землю напоая словомъ ученія».

Трудно было жить русскимъ людямъ во времена татарщины. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и предприимчивость. Внѣшнее стихійное бѣдствіе грозило превратиться во внутренній хроническій недугъ. Чтобы сбросить варварское иго, построить крѣпкое, независимое государство, ассимилировать дикихъ инородцевъ,—надо было русскому народу прежде всего приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и униженіемъ. Этому великому дѣлу нравственнаго воспитанія народа и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій Радонежскій.

Пр. Сергій, въ міру Варооломей, былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла, родился въ 1313 г. По смерти родителей

^{*)} Н. Аристовъ. Христоматія по русской исторіи. Ст. 515—156.

онъ отдалъ все имѣніе младшему брату, а самъ съ старшимъ братомъ Стефаномъ удалился въ пустыню, верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь во имя Св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ Московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ пр. Сергій всею душею предался подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, и искушенія. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи поставлено было нѣсколько избышекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Преп. Сергій самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ тѣлесной и духовной дѣятельности: самъ на братію рубилъ дрова, муку въ жерновахъ мололъ, пекъ хлѣба, варево варилъ, кроилъ и шилъ одежду, воду носилъ изъ источника, а по ночамъ молился за всѣхъ. Въ 1354 г. братія почти силой заставили его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ преп. Θεодосія: та же строгость въ жизни и неутомимость въ трудахъ. Патріархъ Филофей, узнавъ о пр. Сергіи, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно казалось тяжкимъ и возбудило ропотъ, такъ что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился, по повелѣнію митр. Алексія и по просьбѣ своей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители значительно увеличились; возрасла и слава пр. Сергія. Митр. Алексій пользовался его совѣтами; не разъ посѣщалъ обитель и Димитрій Донской; какъ извѣстно, св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Странники, нищіе, больные, увѣчные устремились къ новому разсаднику любви христіанской. Народъ говоритъ, что пр. Сергій, подражая великому примѣру Спасителя, любилъ дѣтей и, когда родители приводили ихъ къ нему подъ благословеніе, охотно разговаривалъ, игралъ съ ними и одѣлялъ ихъ игрушками, которыя самъ для нихъ готовилъ.

Любя самъ книжныя занятія, пр. Сергій стремился особенно любовью отличать хорошихъ книгописцевъ и любителей книжнаго дѣла. Составитель житія преп. Сергія, Епифаній Премудрый, свидѣтельствуєтъ, что одинъ изъ его учениковъ Аѳанасій, впоследствии игумень Серпуховскаго монастыря, «бѣ въ добродѣтеляхъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ и доброписанія многа руки его и до нынѣ свидѣлствуютъ», и сего ради любимъ бѣ зѣло старцу (т. е. преп. Сергію). 25-го сентяря 1391 г. преп. Сергій почилъ на 78-мъ году своей жизни.

Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть важное нравственно-воспитательное вліяніе преп. Сергія?

Разумѣется, говоритъ пр. Ключевскій*), и мы присоединяемся къ его къ мнѣнію, преп. Сергій могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынно-жителей. Мы всѣ читали и перечитывали страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дроворубомъ, портнымъ, плотникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью ходилъ дозоромъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее

*) Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богосл. Вѣст. 1892 г. Ноябрь.

время». Читая эти рассказы, видишь предъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ пр. Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, и каждый, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго.

Міряне приходили въ монастырь помолиться и поучиться: «Мірѣ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ преп. Сергія и то, что онъ видѣлъ, бытъ и обстановка пустыннаго братства, поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко христіанское общество. Хотя въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступаетъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мірѣ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей».

«Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преп. Сергія въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились съ другими.

Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были

два факта, которые легли среди других основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ преп. Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ — великое событіе (Куликовская битва), совершившееся при жизни пр. Сергія, а другой — цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями».

Мы знаемъ, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ Дмитрія Донскаго (1380 г.).

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринялось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Преп. Сергій съ своей обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни. Изъ сказаннаго видно, что примѣромъ своей жизни, высотой своего духа, нравственнымъ авторитетомъ преп. Сергій поднялъ упавшій духъ русскаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее, отчего можетъ быть названъ истиннымъ просвѣтителемъ и воспитателемъ русскаго народа.

Обитель пр. Сергія продолжала расти и послѣ его смерти. Одни ученики Сергія оставались тамъ и поддерживали его завѣты, другіе избирались игуменами въ другіе монастыри, третьи расходились по разнымъ областямъ сѣверной Россіи, строили свои обители и всюду вводили тотъ же уставъ и тѣ же порядки, какіе были и у преп. Сергія. Монастырь пр. Сергія такимъ образомъ являлся какъ бы образцомъ для другихъ монастырей и въ этомъ его важная заслуга. Онъ былъ

для Сѣверо-Восточной Руси тѣмъ, чѣмъ Кіево-Печерская лавра для Руси юго-западной. Поэтому и пр. Сергій можетъ быть названъ первымъ организаторомъ и устройтелемъ монастырей въ сѣверо-восточной Россіи. Въ XIII ст. основано было 22 монастыря, въ XIV в. ихъ насчитываютъ до 80.

Какъ мы уже говорили, монастыри въ то время были настоящими школами т. е. и народными училищами и разсадниками книжнаго просвѣщенія. Молодежь тогдашняя свои стремленія къ знанію удовлетворяла въ монастыряхъ, какъ нынѣ въ университетахъ и академіяхъ. Родители посылали своихъ дѣтей въ монастырь для обученія грамотѣ. Люди, потерпѣвшіе отъ различныхъ бѣдъ и невзгодъ, искали здѣсь утѣшенія и отрады. Непрерывная молитва, богослуженіе, руководство въ строгомъ исполненіи устава и церковныхъ обрядовъ, постъ, воздержаніе, трудъ, терпѣніе и любовь братская — все оказывало могучее воспитательное вліяніе.

Лѣтописное дѣло по преимуществу велось въ монастыряхъ; монастыри и храмы болѣе другихъ мѣстъ были обезпечены отъ разныхъ случайностей, а потому въ нихъ постепенно стали возникать библіотеки.

Самая лѣтопись въ старину должна была удовлетворять не одной любознательности или книжному интересу, который поддерживался участіемъ авторовъ въ событіяхъ или религіозномъ настроеніи, но также и политическимъ цѣлямъ: въ нее князья заносили свои распоряженія и условія: въ нѣкоторыхъ монастыряхъ велись систематическія записи (новгород. лѣтоп.) существовали церковныя лѣтописи (какъ напр. 3-я новгород.). Понятно такимъ образомъ, почему впоследствии, когда правительство стало заботиться о собираніи книгъ и рукописей, монастыри могли доставить самые цѣнныя матеріалы. Наконецъ, монастыри имѣли больше возможности располагать опытными и искусными писцами. Нѣкоторые изъ русскихъ долго жили для списыванія книгъ въ Константинопольскихъ и афонскихъ монастыряхъ; новгородскій архіеп. Алексѣй (XIV в.) имѣлъ своихъ писцовъ, труды которыхъ признаются даже те-

перъ лучшими по исполненію*). О другомъ новгородскомъ архіепископѣ (Моисей) извѣстно, что онъ собралъ много писцовъ и списалъ много книгъ. Вообще о тогдашнихъ монастыряхъ и ихъ основателяхъ мы имѣемъ не мало извѣстій, подтверждающихъ, что они занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ.**) Во главѣ особенныхъ любителей и ревнителей просвѣщенія здѣсь прежде всего долженъ быть поставленъ другъ и собесѣдникъ пр. Сергія, Св. Кирилль Бѣлоозерскій. Еще въ бытность простымъ инокомъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ онъ занимался перепискою книгъ по повелѣнію архимандрита Θεодора и на Бѣлѣ-озерѣ самъ ничего не держалъ въ своей келіи и братіи совѣтовалъ ничего не держать въ келіяхъ, кромѣ книгъ. До сихъ поръ въ его монастырѣ хранится 17 книгъ, писанныхъ его рукою.

Въ самой обители пр. Сергія его любовь къ книжнымъ занятіямъ унаслѣдовалъ ученикъ и преемникъ его по степени игуменства пр. Никонъ. Сдѣлавшись игуменомъ онъ ревностно заботился объ обогащеніи обители книгами. Особенно замѣчательна отъ его времени: «Псалтирь съ послѣдованіями», писанная около 1428 г., гдѣ изобрѣтательность писца въ почеркахъ и художественное выполненіе красками съ золотомъ разныхъ заставокъ достойны изумленія.

Почти при полномъ отсутствіи организованной книжной торговли, при дороговизнѣ книгъ, зависѣвшей отъ цѣнности матеріала и трудности списыванія, первый и главный путь пріобрѣтенія книгъ былъ путь списыванія ихъ троицкими «книгописцами». Св. Стефанъ Пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Германъ Соловецкій, будучи самъ не книженъ, поручалъ списыванье другимъ и собиралъ книги.

Знаменитая и первая изъ монастырскихъ по своимъ книжнымъ богатствамъ Соловецкая бібліотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досіею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь.

*) Срезневскій, Древн. книги, 19.

**) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской историографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 102. Кіевъ. 1891.

Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Безъ сомнѣнія, также заботились о развитіи книжнаго дѣла и пріобрѣтеніи книгъ и во всѣхъ остальныхъ монастыряхъ, существовавшихъ строй своей жизни изъ монастыря Сергіева. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри являлись лучшими хранилищами сокровищъ и книгъ. Самые акты считали за лучшее сберегать въ тѣхъ же церквахъ и монастыряхъ. Монастыри въ то время пользовались громаднымъ значеніемъ; они вели непосредственныя сношенія съ властями и получали отъ нихъ весьма широкія права. Такъ, постепенно образовались значительныя церковныя и монастырскія бібліотеки, какъ то: Софійская, при Новгородскомъ соборѣ, Троицко-Сергіевская, Чудовская, Кирилло-Вѣлозерская, Ростовская, Волоколамская, Соловецкая и мн. др. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и лѣтописи, хронографы, сборники, повѣсти, географическія сочиненія, а позже являются переводы космографій и книгъ. Въ монастыряхъ составляются сборники жалованныхъ и другихъ грамотъ, послужившіе весьма важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изданій. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго содержанія и памятниковъ письменности, такъ что монастырскіе архивы и бібліотеки до сихъ поръ оказываются еще неполнѣ исчерпанными.*)

Изъ сказаннаго несомнѣнно, что монастыри сосредоточивъ въ своихъ рукахъ источники древне-русской образованности, естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни сѣверо-восточной Руси. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому неудивительно, что и самой умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ, что образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Такъ, полагая съ молитвою на устахъ и крестомъ въ рукахъ основаніе обителямъ въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди фин-

*) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской историографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 103

скихъ поселеній, монахи своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Тѣ же изъ монаховъ, которые чувствовали себя способными быть учителями, очень нерѣдко уже и въ то старо-давнее время посвящали себя дѣлу народнаго учительства въ прямомъ смыслѣ этого слова. Время отъ времени у насъ появлялись грамотные и начитанные монахи, исполненные усердія и ревности поучать. Еще и до настоящаго времени нерѣдко по монастырямъ русскимъ встрѣчаются типичные представители этихъ учительныхъ монаховъ: они даютъ возможность наглядно составить себѣ понятіе объ ихъ древнихъ и старыхъ предшественникахъ. Является въ какомъ-нибудь монастырѣ учительный благочестивый старецъ, распространяется о немъ слухъ, и народъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ начинаетъ стекаться къ нему толпами, а его келья превращается въ непрестанную полную аудиторію. Какъ есть въ настоящее время, такъ было и въ древнее. Способные къ учительству монахи смотрѣли на него, какъ на свою прямую обязанность и стремились упражняться въ немъ по мѣрѣ силъ со всѣмъ усердіемъ. Въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ древней Руси можно найти многочисленные примѣры такого учительства*).

Главные черты монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, ницелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

Лучшія русскія женщины XIII и XIV вв., подобно мужчинамъ, стремились въ монастырь. И это не потому только, что въ обществѣ господствовалъ аскетическій взглядъ на жизнь, но потому, что только въ монастыряхъ женщины находили необходимую защиту, покой и удовлетвореніе высшихъ духовныхъ интересовъ. И не только въ XIII и XIV вв., во время

*) См. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва, 1892 г., стр. 69.

владычества монголовъ, но и позже въ XV и XVI вѣкахъ монастыри имѣли привлекательную силу для лучшихъ людей, задававшихся высшими вопросами, и потому неудивительно, что въ нихъ стремились какъ мужчины, такъ и женщины. Не даромъ же такой осторожный историкъ какъ С. Соловьевъ*) говоритъ: «Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что бы случилось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема?»

Правы, само общество, состояніе просвѣщенія, внѣшнія причины — все влекло лучшихъ людей отдалиться отъ міра. Однѣ женщины уходили въ монастырь, другія запирались въ теремъ. Въ это время всѣ женщины княжескаго и знатнаго рода жили если не въ монастыряхъ, то въ теремахъ. Въ монастырѣ, какъ и въ теремѣ, говоритъ Лихачевъ,**) женщины волей или неволей должны были наполнять свой день, кромѣ рукодѣлія, и другими занятіями. Женскіе монастыри большею частію были монастырями общиножительными, а во всѣхъ такихъ монастыряхъ были одни и тѣ же или весьма сходные между собой уставы и правила; въ эти правила включалось и чтеніе книгъ въ келіяхъ.***) Точно также и въ теремахъ «набожность, какъ говоритъ Забѣлинъ, наполняла день, ибо уставъ каждадневной жизни требовалъ чтенія какъ душевнаго подвига. Читались: житія святыхъ, поученія на каждый день и пр. Оттого знаніе священной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено болѣе, чѣмъ всякое другое. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или устава, это была единственная наука того времени, то самое, что мы теперь понимаемъ подъ словомъ образованность. Въ особености въ замкнутомъ теремѣ, лишенная участія даже мыслью и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ, управлялись въ нравственныхъ и умствен-

*) Соловьевъ С. Истор. Рос. Т. IV, ст. 341, изд. 1-е.

**) Матеріалы для истор. жен. обр. въ Россіи.

***) Въ женскихъ монастырскихъ школахъ, кромѣ книжнаго ученія, письма и пѣнія, обучали рукодѣлю, швенію и инымъ полезнымъ имъ ремесламъ. (Татищ. Ист. II, 138.)

ныхъ интересахъ». Изъ этого видно, что затворничество женщинъ, принесшее не мало зла и горя русской жизни, имѣло и свои хорошія стороны, сослужило нѣкоторую службу, не допустивъ женщинъ до полнаго отчужденія отъ просвѣщенія.

Что касается состоянія образованія, то объ этомъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія.

Въ грамотахъ XIV вѣка упоминается, говоритъ Н. А. Лавровскій*), о содержаніи при церквахъ сиротъ и дѣтей (обоюго пола), которыхъ не только питали, но и учили грамотѣ. Но вообще надо замѣтить, что правильно организованныхъ училищъ не было, и внѣ монастырей образованіе стояло на низкой ступени. О знаменитомъ героѣ Куликовской битвы въ житіи его говорится, что онъ не былъ изученъ книгами, о Василии Темномъ извѣстно, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ.

Хотя въ житіяхъ и лѣтописяхъ о нѣкоторыхъ лицахъ попадаются такія замѣтки: «вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися» «времени же приспѣвшу вданъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ», но эти записи повидимому указываютъ только на существованіе частныхъ школъ, отдѣльныхъ учителей-мастеровъ, о которыхъ говорилъ впослѣдствіи и Стоглавъ. Къ XIII и XIV в. относится меньше литературныхъ произведеній, чѣмъ къ до-монгольскому періоду.

Въ XIII в. у насъ былъ замѣчательный проповѣдникъ Серапіонъ, епископъ владимирскій; въ своихъ поученіяхъ онъ призывалъ народъ, по случаю постигшаго бѣдствія (монгольскаго ига), къ покаянію и молитвѣ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народныхъ, возставалъ противъ суевѣрій. Къ XIV вѣку относятся многія, дошедшія до насъ грамоты, въ которыхъ видна крѣпость семейнаго союза: «быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто». Старшій братъ держалъ напр. такую рѣчь къ младшимъ: «отецъ нашъ приказалъ намъ жити за одинъ,

*) О древне-русскихъ училищахъ.

также и язъ вамъ приказываю жити за одинъ...» Отець напр. говоритъ своимъ дѣтямъ: «а вы, дѣти мои, живите за одинъ», и безпрестанно повторяетъ: «а матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ».

Въ поученіи Кирилла, м—та Кіевскаго (до 1280 г.) сказано: «блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божию, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ яко своя уды, или яко Христось насъ всѣхъ, тако же творите; дѣти своя духовныя наказуйте (учите).»*)

Такимъ образомъ мы видимъ, что монгольское иго способствовало пріостановкѣ просвѣщенія и унизило духъ народный. Въ пламени монгольскихъ пожаровъ много погибло храмовъ и книгъ.

Въ это время выдвигается важное воспитательное значеніе монастырей и особенно Троице-Сергіевскаго. Пр. Сергій Радонежскій вдохнулъ въ русское общество XIV вѣка духъ нравственной бодрости и крѣпости и положилъ начало цѣлому ряду монастырей въ Сѣверо-восточной Россіи, которые явились настоящими народными школами и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Родители посылали въ монастыри своихъ дѣтей для наученія грамотѣ, юноши искали въ нихъ удовлетворенія идеальныхъ запросовъ, а взрослые и старики искали въ нихъ успокоенія и ободренія. Монастыри первые положили начало русскимъ библіотекамъ и книгохранилищамъ, въ нихъ постоянно занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ.

Главныя черты монастырской педагогичіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

*) Аристовъ, Хрис. по рус. ист. Ст. 514.

Источники и пособія: еп. Филаретъ. Исторія русской церкви т. П. Н. Я. Аристовъ, Христоматія по русской исторіи. Варшава. 1870 г. Проф. Ключевскій. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богос. Вѣст. 1892. 11. Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ. Т. 1, вып. 1 и 2-й. 1891. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва. 1892 г.

Глава VII.

Педагогія учителей «мастеровъ». XV вѣкъ.

(Частныя школы. Состояніе образованія и просвѣщенія.)

Уже съ XV вѣка у насъ начинаютъ развиваться частныя школы.

«Нѣтъ сомнѣнія, гороритъ г. А. Соболевскій, что Москва этого времени не имѣла никѣкихъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ. Но за то въ ней было много мелкихъ частныхъ училищъ*), такъ много, что желавшему обучить своего сына грамотѣ не нужно было ихъ разыскивать.

Въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей родной деревнѣ близъ Москвы, для св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ, для св. Зосимы Соловецкаго — въ родномъ селѣ тоже въ Обонежьѣ, для св. Антонія Сійскаго — въ селѣ близъ Бѣлаго моря, для св. Александра Ошевенскаго — въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище, находившееся «близъ» Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ этомъ вѣкѣ не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глу-

*) Названіе «училище» употреблено Геннадіемъ и отцами Стоглаваго собора; сверхъ того оно находится въ житіяхъ св. Антонія Сійскаго (крестьянина) и Филиппа митрополита (боярскаго рода).

хих мѣстностяхъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера, не было недостатка въ училищахъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора, число училищъ должно было значительно увеличиться. Эти училища содержались «учителями» (житія) или «мастерами» (Геннадій) изъ среды духовенства. Стоглавъ, какъ увидимъ ниже, предписывалъ открывать въ городахъ училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ. Житія свв. Іоны, архіепископа новгородскаго (начало XV в.) и Никандра Псковскаго (XVII в.) говорятъ объ учителяхъ дьяконахъ; житіе св. Александра Ошевенскаго и царская грамота 1629 года говорятъ объ учителяхъ дьячкахъ.

Сверхъ учителей духовныхъ, кажется, были учителя и изъ свѣтскихъ людей. По крайней мѣрѣ дьякъ, учитель св. Мартиніана Бѣлозерскаго, въ житіи его называется «мірскимъ». Св. Мартиніанъ Бѣлозерскій (самое начало XV вѣка), поступившій въ Кирилловъ монастырь ребенкомъ, былъ отданъ игуменомъ для обученія грамотѣ «мірскому дьяку», котораго дѣло «бѣяше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости»*) Св. Александръ Ошевенскій (XV вѣкъ), поступивъ въ тотъ же Кирилловъ монастырь уже грамотнымъ, былъ отданъ игуменомъ для лучшаго «наказанія» къ дьяку нѣкому разумну и искусну.**)

Число учениковъ въ училищахъ было, конечно, разнообразно. Житіе арх. Іоны (XV в.) упоминаетъ о «многихъ соученикахъ» святаго; житія преп. Іосифа Волоцкаго, Александра Свирскаго и Антонія Сійскаго о томъ, что вмѣстѣ со святыми учились ихъ «сверстники»; Лицевое (иллюстрированное) житіе преп. Сергія, написанное въ XVI вѣкѣ и, конечно, передающее дѣйствительность этого столѣтія, въ одной изъ своихъ миниатюръ изображаетъ намъ училище съ 11 учениками, такимъ образомъ: въ комнатѣ на одной лавкѣ сидятъ рядомъ 5

*) Погод. № 737. Лѣтоп. Занят. Археогр. Комиссіи вып. I. Соболевскій. Образован. Моск. Руси XV—XVIII. Ст. 15.

***) Синод. № 413.

учениковъ съ книгами; сзади нихъ помѣщаются еще трое; на лѣво отъ нихъ — еще двое; на правой сторонѣ учитель объясняетъ урокъ преп. Сергію».

По возрасту главная часть учениковъ были дѣти. Цѣлый рядъ житій святыхъ указываетъ на семилѣтній возрастъ, какъ на обычный возрастъ начинающихъ учиться грамотѣ, безъ различія сословій. Такъ, въ житіи св. Іоасафа Каменскаго, княжескаго сына (первая половина XV вѣка) мы читаемъ: «достигшу седмаго лѣта, и вданъ бысть въ наученіе грамотѣ»; въ житіи Св. Іосифа Волоцкаго: «егда бысть... седми лѣтъ, родителіе его даша на ученіе грамотѣ», въ житіи архіеп. Серапіона, крестьянскаго сына: «седмаго лѣта достигшу, вданъ бываетъ въ наученіе грамотѣ». Другія житія говорятъ о возрастѣ учениковъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ; но и они, и Стоглавъ, даютъ ясно понять, что онъ былъ дѣтскій. Время обученія грамотѣ въ массѣ случаевъ не могло быть продолжительнымъ. Способные мальчики, вѣроятно, выучивались ей скоро, приблизительно въ два года. Такъ, св. Александръ Ошевенскій «спѣшии нѣкоко» «изучился», Св. Игнатій Вологодскій «вскорѣ ученіе книжное извыче»; учитель св. Антонія Сійскаго дивился «скорому его наученію» св. Іосифъ Волоцкій, по словамъ его біографа Саввы, «учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другій годъ вся божественная писанія навиче». Малоспособные, какъ св. Александръ Свирскій, учились «косно и нескоро», къ огорченію своихъ родителей, и, повидимому, лишь послѣ долгихъ усилій усвоивали книжную мудрость, да и то, конечно, не всё.

Какіе же были предметы обученія въ училищахъ?

Житія святыхъ XV вѣковъ говорятъ о нихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: святой «наученъ бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю» «извыче книжное ученіе», «извыче божественное писаніе». Несомнѣнно, значительное большинство училищъ были простыми школами грамотности, въ которыхъ учили только читать и писать. Въ нихъ сначала преподавалась азбука, потомъ читались часословъ и псалтырь,

а иногда, сверхъ того, апостоль. «Подобаетъ убо вамъ, учителя, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учить божественнымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтыри и прочія божественныя книги, и паче же убо всего — еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука»^{*)}. А въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (изд. 1721 года) говорится: «Издравле російскимъ дѣтководцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учить дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтыри, та же писати; по сихъ же нѣщы преподають и чтение апостола». Кромѣ училищъ грамотности, вѣроятно, всегда въ соединеніи съ ними московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціальныя для тѣхъ подростковъ, которые предназначались въ священники и въ дьяконы. Ихъ имѣлъ въ виду арх. Геннадій, жалуясь на незнаніе учителями «силы въ божественномъ писаніи», на незнакомство учениковъ съ церковнымъ порядкомъ. Наши свѣдѣнія объ этихъ спеціальныхъ училищахъ крайне скудны и, вѣроятно, въ большинствѣ изъ нихъ не шли далѣе усовершенствованія въ грамотѣ и пѣніи и изученія богослужебнаго чина.

Данныя, приведенныя проф. Соболевскимъ, даютъ возможность признать, что въ московской Руси какъ въ XV в., такъ и въ послѣдующихъ XVI и XVII в. образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна та же. И княжескій сынъ, и поповскій и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же умѣнья читать и писать. Затѣмъ уже они сами самостоятельно, каждый отдѣльно, могли набираться учености, изучая книги.

Однако, такое состояніе просвѣщенія не удовлетворяло лучшихъ людей того времени; изъ нихъ св. Геннадій, архіеп. новгородскій (1485—1504) прославился своими заботами о просвѣщеніи. Геннадій въ посланіи своемъ къ тогдашнему

^{*)} Синод. № 850, XVII в. л. 527.

рѣчи, ибо Цицеронъ отрицаетъ, чтобы кого-нибудь можно было бы научить произносить рѣчи, кто не можетъ говорить.

8. (Восемь правилъ касательно изученія многихъ языковъ.) Что касается изученія многихъ языковъ или полиглотіи, то оно сокращается и облегчается чрезъ слѣдующій методъ, который мы изложимъ въ осьми правилахъ.

9. I. Каждый языкъ долженъ быть изучаемъ отдѣльно.

Прежде всего конечно изучается родной языкъ³), затѣмъ тотъ, которымъ можно пользоваться вмѣсто родного, именно языкъ сосѣдняго народа (обиходные языки, по моему мнѣнію, должны быть изучаемы прежде учебныхъ), потомъ латинскій языкъ, послѣ него греческій, еврейскій и. т. д., всегда одинъ за другимъ, никогда не парю вмѣстѣ, иначе одинъ запутаетъ другой. Однако наконецъ, когда вслѣдствіе упражненія ученики могутъ уже свободно ими пользоваться, они съ большою пользою могутъ быть поставлены во взаимное отношеніе при помощи сравнительныхъ грамматикъ и словарей.

10. II. Всякому языку должно быть отведено опредѣленное время,

именно чтобы намъ второстепенное дѣло не сдѣлать главнымъ и время, необходимое для изученія дѣла, не тратили на слова. Такъ какъ родной языкъ связанъ съ предметами, которые постепенно должны быть внушены разсудку, то онъ необходимо требуетъ для себя много лѣтъ — отъ восьми до десяти, именно весь дѣтскій возрастъ и часть отрочества. Затѣмъ можно переходить къ другому обиходному языку, изъ которыхъ каждый можетъ быть одолѣваемъ въ продолженіе одного года; изученіе латинскаго языка можетъ быть окончено въ два года⁴), греческаго языка въ одинъ годъ и еврейскаго въ одинъ семестръ.

11. III. Каждый языкъ долженъ быть изучаемъ больше чрезъ пользованіе имъ, чѣмъ чрезъ пра-

вила⁵⁾), именно чрезъ слышаніе, чтеніе, списываніе и чрезъ письменныя и устныя упражненія, возможно частыя. Ср. сказанное въ предыдущей главѣ въ правилахъ I и XI.

12. IV. Однако правила должны содѣйствовать и помогать пользованію.

(Объ этомъ было разсужденіе въ предыдущей главѣ въ прав. II). Это относится въ особенности къ ученымъ языкамъ, которые мы должны почерпать изъ книгъ, но также и къ новымъ. Также итальянскій, французскій, нѣмецкій, богемскій, венгерскій языки могутъ быть заключены въ правила и уже заключены.

13. V. Правила языка должны быть грамматическія, а не философскія,

т. е. они не должны доискиваться происхожденія и основанія словъ, оборотовъ и соединеній ихъ, почему такъ или иначе должно быть, а совершенно просто объяснять, что есть и какъ есть. Болѣе тонкое изслѣдованіе причинъ и связей, сходствъ и несходствъ, аналогій и неправильностей, встрѣчающихся въ вещахъ и словахъ, свойственно философамъ, филологовъ же только задерживаетъ.

14. VI. При приведеніи правилъ новаго языка уже извѣстный языкъ долженъ служить нормою, отъ которой указываются только уклоненія.

Повторять общее не только бесполезно, но и вредно, такъ какъ это способно напугать духъ большею обширностью и большимъ числомъ уклоненій, чѣмъ ихъ на дѣлѣ есть. Такъ напр. въ греческой грамматикѣ нѣтъ нужды повторять опредѣленія имени существительнаго и глагола, окончаній и временъ или синтаксическихъ правилъ, не заключающихъ въ себѣ ничего новаго, такъ какъ предполагается, что все это уже извѣстно. Слѣдовательно, нужно сообщать только то, въ чемъ греческій языкъ отстываетъ отъ извѣстнаго уже латинскаго.

И тогда греческая грамматика сократится до нѣсколькихъ листовъ, и все будетъ яснѣе, легче и вѣрнѣе.

15. VII. Первыя упражненія въ новомъ языкѣ

должны быть производимы на известномъ уже материалѣ,

чтобы духу не приходилось одновременно обращать вниманіе на предметы и слова, и чтобы онъ чрезъ это не разсѣивался и не притуплялся, — а исключительно на слова, чтобы ихъ легче и быстрѣе осилить. Таковой материалъ могутъ представлять собою библейскіе рассказы или что-нибудь другое, напередъ известное. Можетъ быть, можно пользоваться также моими «Преддверіемъ» и «Дверью», хотя послѣдняя по причинѣ своей краткости болѣе пригодна для заучиванія наизусть, первое же для чтенія и именно потому что въ немъ часто встрѣчается повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, которыя чрезъ это тѣмъ вѣрнѣе запечатлѣваются въ разсудкѣ и памяти.

16. VIII. Слѣдовательно, всѣ языки могутъ быть изучаемы по одному и тому же методу,

именно чрезъ пользованіе, съ присоединеніемъ легчайшихъ правилъ, представляющихъ только уклоненія отъ уже известнаго языка; затѣмъ чрезъ упражненіе на знакомомъ материалѣ и т. д.

О языкахъ, которые должны быть изучаемы въ совершенствѣ.

17. (Два языка должны быть изучены въ совершенствѣ и именно чрезъ четыре ступени.) Что не всѣ языки, которые изучаются, должны быть изучаемы съ одною и тою же тщательностью, это мы уже упомянули въ началѣ настоящей главы. Эта тщательность приличествуетъ по преимуществу родному языку и латыни, которые ученики должны знать въ совершенствѣ. Такое изученіе языковъ должно быть раздѣлено на четыре возраста жизни

первый	{ жизнен- ный возрастъ есть	{ лепечущее дѣтство, подростяющее отрочество, цвѣтущая юность, сильная возмужалость	{ когда должно учиться гово- рить	{ мило, истинно, красиво, сильно,
второй				
третій				
четвертый				

18. (Почему такъ!) Только по ступенямъ правильно подвигаются впередъ; иначе все дѣло запутается и потеряетъ цѣлостность, какъ это большинство на самихъ себѣ испытали. Чрезъ эти четыре ступени обучающіеся языку легко могутъ быть проведены, когда имѣются пособія для изученія языковъ — и именно какъ учебники для учениковъ, такъ и руководства для пользованія учителей⁶⁾; тѣ и другіе должны быть составлены кратко и методически.

19. (Четыре рода учебниковъ по языкамъ.) Учебниковъ по ступенямъ возраста должно быть четыре:

I. Преддверіе (Vestibulum)	} языка (напр. латинскаго) вмѣстѣ съ вспомогательными пособіями.
II. Дверь (Ianuа)	
III. Домъ (Palatium)	
IV. Сокровищница (Thesaurus) ⁷⁾	

20. (I. Преддверіе.) Преддверіе должно заключать въ себѣ матеріаль для лепечущаго дѣтства — нѣсколько сотенъ словъ, соединенныхъ въ изреченія, съ прибавленіемъ къ нимъ таблицы склоненія и спряженія.

21. (II. Дверь.) Дверь должна заключать въ себѣ всѣ употребляющіяся слова языка, — приблизительно восемь тысячъ, — соединенныя въ краткія предложенія, чрезъ которыя выражаются вещи въ ихъ естественномъ видѣ⁸⁾. Къ этому должны быть прибавлены краткія и ясно составленныя грамматическія правила, показывающія, какъ слова этого языка пишутся и выговариваются, образуются и употребляются.

22. (III. Домъ.) Домъ долженъ заключать въ себѣ разнообразныя разговоры о всѣхъ возможныхъ предметахъ, украшенные всевозможными фразами и красивыми оборотами рѣчи (риторическими фигурами), вмѣстѣ съ обозначеніемъ на поляхъ писателей, изъ которыхъ они позаимствованы. Въ заключеніе же могутъ быть прибавлены правила о томъ, какъ обороты рѣчи и выраженія на тысячу ладовъ могутъ быть измѣняемы и украшаемы.

23. (IV. Сокровищница.) Сокровищницу составляютъ сами классическіе писатели, сильно и выразительно писавшіе о различныхъ предметахъ, съ предпосланными имъ

правилами о наблюденіи и собираніи сильныхъ мѣстъ и о точномъ отличеніи особенностей (идіотизмовъ) языка, на что въ особенности обращается вниманіе. Изъ этихъ писателей одни избираются для чтенія въ школѣ; изъ другихъ же можетъ быть составленъ обзоръ содержанія съ тѣмъ, чтобы, если кто-нибудь послѣ будетъ имѣть охоту или случай о томъ или другомъ предметѣ справиться у авторовъ, онъ зналъ, къ какимъ обратиться.

24. (Вспомогательныя пособія.) Вспомогательными пособіями называются тѣ книги, которыя облегчаютъ пользованіе учебниками и содѣйствуютъ бѣльшимъ успѣхамъ. Именно —

I. къ «Преддверію» прибавляется малый перечень словъ съ родного языка на латинскій и съ латинскаго языка на родной;

II. къ «Двери» этимологическій словарь, который коренныя слова съ производными отъ нихъ и сложными словами переводитъ съ латинскаго языка на родной и указываетъ основаніе для значеній ихъ;

III. къ «Дому» фразеологическій словарь на родномъ языкѣ, на латинскомъ языкѣ (и если нужно, также на греческомъ), обнимающій въ себѣ различныя фразы, красивыя названія и описанія предметовъ, разбросанно встрѣчающіяся въ «Домѣ» — съ обозначеніемъ мѣстъ, откуда они взяты;

IV. къ «Сокровищницѣ» наконецъ прибавляется общая справочная книга, какъ запасная кладовая для восполненія, такъ раскладывающая въ себѣ запасъ обоихъ языковъ (латинскаго и греческаго), чтобы ничего не было, чего здѣсь нельзя было бы найти; и чтобы все на волосокъ подходило другъ къ другу — чтобы имѣлись выраженія въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, шутливыя и поговорочныя и т. д. Невѣроятно, чтобы языкъ какого-нибудь народа былъ столь бѣденъ, чтобы онъ или не имѣлъ достаточнаго

запаса словъ, фразъ, изреченій и поговорокъ, насколько они только съ пониманіемъ различаются и примѣняются къ латинскому языку — или не могъ имѣть, если только начать подражать и по подобному образовывать подобное.

25. (Было бы желательнo составленіе справочной книги, кромѣ книги Энапіуса.) Такой общей справочной книги у насъ до сихъ поръ нѣтъ. Польскій іезуитъ Григорій Энапіусъ⁹⁾ своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ «Польско-латинско-греческая сокровищница» оказалъ большую услугу своему народу. Но въ этомъ трудѣ мы замѣчаемъ три недостатка. Во первыхъ, онъ еще не заключаетъ въ себѣ всѣхъ словъ и фразъ отечественнаго языка, — затѣмъ онъ не дѣлитъ ихъ въ томъ порядкѣ, какой мы только что указали, т. е. не дѣлитъ на выраженія въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, на устарѣлыя (насколько это выполнимо) и т. д., чрезъ что своеобразіе и блескъ обоихъ языковъ и ихъ богатство обнаружались бы въ равной мѣрѣ. Онъ за каждымъ польскимъ словомъ и выраженіемъ приводитъ латинскія въ большомъ количествѣ, но мы желаемъ, чтобы отдѣльное выраженіе соотвѣтствовало отдѣльному выраженію, чтобы всякое красивое латинское выраженіе переводилось на нашъ языкъ. Въ такомъ случаѣ эта справочная книга могла бы служить для перевода какихъ угодно книгъ съ латинскаго языка на родной и наоборотъ. Въ третьихъ, въ «Сокровищницѣ» Энапіуса недостаетъ большой подробности въ распредѣленіи фразъ въ послѣдовательномъ порядкѣ; именно мы не желаемъ, чтобы онѣ были набраны какъ цопало, а на первомъ мѣстѣ должны стоять образцы изложенія простыхъ и историческихъ событій, затѣмъ должны слѣдовать бoльшіе образцы рѣчи, за ними болѣе возвышенныя или трудныя и рѣдкія поэтическія мѣста и въ заключеніе устарѣлыя выраженія.

26. Но изложеніе полнаго плана такой общей справочной книги мы оставляемъ до другого времени, то же самое также въ отношеніи спеціальнаго плана Преддверія, Двери, Дома и Сокровищницы для безошибочнаго до-

стиженія того, чего мы желаемъ, именно совершенствованія языка. При частномъ описаніи классовъ умѣстно будетъ говорить объ этомъ подробнѣе.

Глава XXIII.

Методъ нравственнаго образованія.

1. (Все предъидущее есть какъ бы вступленіе; главное только приближается: нравственность и благочестіе.) До сихъ поръ рѣчь шла о томъ, какъ могутъ быть облегчены занятія науками, искусствами и языками. Здѣсь умѣстно вспомнить слова Сенеки (изъ 89 письма): «это не есть цѣль ученія, а только предшествуетъ ученію», это есть только приготовленіе къ болѣе великому или какъ онъ говоритъ: «это только первые начатки, а не оконченное дѣло». Что же будетъ настоящимъ ученіемъ? Ученіе мудрости, которое должно сдѣлать насъ благородными, сильными и великодушными. Это то, что выше нами означено подъ названіемъ нравственности и благочестія¹⁾; только чрезъ это мы дѣйствительно возвысимся надъ остальными созданіями и приблизимся къ Богу.

2. Потому сколь возможно, должно заботиться, чтобы искусство обучать истинной нравственности и благочестію было точно опредѣлено и введено въ школахъ, чтобы послѣднія были тѣмъ, что о нихъ сказано — мастерскими гуманности.

3. (Шестнадцать правилъ искусства нравственнаго образованія.) Искусство нравственнаго образованія имѣетъ шестнадцать основныхъ правилъ²⁾.

1. Первое изъ нихъ гласитъ: добродѣтели всѣ безъ исключенія должны быть прививаемы юношеству.

Изъ того, что справедливо и честно, ничто не может отсутствовать, не оставляя за собою пробѣла и не нарушая гармоніи.

4. II. Прежде всего должны быть внушены основныя или такъ называемыя кардинальныя добродѣтели: благоразуміе, умѣренность, мужество и справедливость.

5. III. Благоразуміе почерпается изъ хорошаго преподаванія, когда научаются правильно различать вещи и ихъ достоинство.

Правильное сужденіе о вещахъ есть истинное основаніе всякой добродѣтели. Прекрасно говорить Вивесъ: истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы судить о вещахъ безошибочно, чтобы намъ все цѣнить такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности; чтобы мы ничтожное не возвышали и высокое не унижали; чтобы мы не хулили того, что достойно похвалы и не хвалили того, что достойно хулы. Отъ несоблюденія этого происходитъ всякое заблужденіе въ головахъ людей и всякій порокъ, и въ человѣческой жизни нѣтъ ничего болѣе пагубнаго, какъ ложность сужденія, когда о вещахъ судятъ не по ихъ достоинству. Потому (продолжаетъ онъ) уже съ дѣтства должно приучаться имѣть правильныя мнѣнія, чтобы съ годами въ этомъ еще больше совершенствоваться. Должно стремиться къ тому, что справедливо и избѣгать того, что несправедливо, чтобы привычка поступать справедливо обратилась, такъ сказать, въ природу и т. д.

6. IV. Къ умѣренности въ пищѣ и питьѣ, въ снѣ и бодрствованіи, въ работѣ и отдыхѣ, въ говореніи и молчаніи ученики должны быть приучаемы во все время обученія.

Здѣсь молодые люди всегда пусть помнятъ золотое правило: «ничего излишняго!» чтобы вездѣ удерживаться отъ насыщенія и пресыщенія.

7. V. Мужеству они должны учиться въ побѣжденіи самого себя, именно они должны подавлять въ себѣ желаніе бѣгать и играть въ недозволенное время и обуздывать въ себѣ нетерпѣніе, сопротивленіе и гнѣвъ.

Основаніе этому будетъ положено, когда мы ихъ приучаемъ все дѣлать съ разумніемъ и ничего въ возбужденіи и волненіи. Человѣкъ есть существо разумное, потому онъ долженъ приучаться руководствоваться разумомъ, чтобы въ поступкахъ своихъ понималъ, что, почему и какъ нужно дѣлать, чтобы человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ былъ господиномъ своихъ дѣйствій³⁾. Но такъ какъ дѣти неспособны къ такой обдуманности и разумности въ своихъ дѣйствіяхъ, то большую пользу въ дѣлѣ воспитанія къ мужеству и самообладанію принесетъ то, когда ихъ приучаютъ больше поступать по волѣ другихъ и именно во всемъ точнѣйшимъ образомъ слѣдовать волѣ начальствующихъ. Кто правильно укрощаетъ лошадей, говоритъ Лактанцій, тотъ прежде всего учитъ ихъ повиноваться уздѣ; слѣдовательно, кто образовываетъ дѣтей, тотъ прежде всего долженъ приучить ихъ слѣдовать слову. О какаѣ надежда на исправленіе человѣческихъ замѣшательствъ, наполняющихъ собою міръ, заключается въ томъ, когда люди уже съ ранней юности научаются слѣдовать одинъ другому и во всемъ поступать разумно!

8. VI. Справедливости они учатся, когда никого не оскорбляютъ, за всякимъ признаютъ его права, избѣгаютъ лжи и лукавства и въ отношеніи ко всемъ являются услужливыми и любезными.

9. VII. Виды мужества, прежде всего необходимые юношеству — это благородное прямодушіе въ обращеніи⁴⁾ и выносливость въ работѣ.

Такъ какъ жизнь должна проходить въ обращеніи съ людьми и въ дѣятельности, то нужно учить дѣтей переносить взгляды людей и выносить всякій родъ честной работы,

чтобы не вырости нелюдимыми и человеконенавистниками, чтобы имъ не быть лѣнивцами и бесполезнымъ бременемъ земли. Добродѣтель прививается чрезъ дѣла, а не чрезъ рѣчи.

10. УШ. Благородное прямодушіе пріобрѣтается чрезъ частое обращеніе съ приличными людьми и чрезъ дѣланіе всего въ ихъ присутствіи.

Аристотель такъ воспиталъ Александра, что онъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ умѣлъ обращаться съ людьми всякаго рода, съ царями и посланниками царей и народовъ, съ учеными и неучеными, горожанами и поселянами, о всякомъ предложенномъ предметѣ умѣлъ подходящимъ образомъ вести разговоръ и на всякій вопросъ давать отвѣтъ. Такъ какъ наше общее руководство имѣетъ цѣлью всѣхъ научить тому же, то должны быть составлены правила обращенія и практически примѣняемы — правила, согласно которымъ дѣти съ учителями, товарищами, родителями, прислугою и другими должны обращаться скромно и ежедневно бесѣдовать о различныхъ предметахъ; если же въ комъ-нибудь будетъ замѣчена лѣньность, необдуманность, грубость или злость, то того нужно тотчасъ исправлять.

11. ІХ. Выносливость въ работѣ молодые люди пріобрѣтаютъ тѣмъ, если всегда чѣмъ-нибудь занимаются, серьезнымъ ли дѣломъ или игрою.

Нѣтъ важности въ томъ, что и для какой цѣли дѣлается, лишь бы только дѣлалось. Также въ шутку можно учиться, что затѣмъ принесетъ серьезную пользу, если время и обстоятельства будутъ тому содѣйствовать. Какъ дѣйствовать учатся чрезъ дѣйствованіе (какъ мы выше видѣли), такъ и работать должно учиться чрезъ работанье, чтобы постоянныя (однако умѣренныя) занятія духа и тѣла обратились въ потребность и сдѣлали для расторопнаго человека несносною лѣнливую бездѣятельность. Тогда оправдывается выраженіе Сенеки: работа питаетъ благородныя души.

12. X. Родственная справедливости добродѣтель — услужливость въ отношеніи къ другимъ — въ особенности должна быть внушаема дѣтямъ.

Испорченной природѣ свойственъ скверный недостатокъ самолюбіе, въ силу котораго всякій требуетъ, чтобы только на него одного было обращено вниманіе, а о другихъ не думали. Это источникъ самыхъ разнообразныхъ замѣшательствъ въ человѣческомъ мірѣ, что всякій хлопочетъ о своихъ собственныхъ обстоятельствахъ, совсѣмъ опуская изъ виду общественную благотворительность.⁵⁾ Слѣдовательно, прилежно нужно внушать юношеству понятіе о задачѣ нашей жизни — что мы живемъ не для однихъ самихъ себя, но для Бога и для ближнихъ, т. е. для человѣческаго общества, чтобы юношество, серьезно убѣдившись въ этомъ, уже съ дѣтства приучалось подражать Богу, ангеламъ, солнцу и другимъ благороднымъ созданіямъ, т. е. стремиться чрезъ услуги быть полезнымъ возможно большому числу людей. Тогда только частная и общественная жизнь можетъ улучшиться, когда всѣ будутъ направлять свою дѣятельность къ общей пользѣ и вездѣ одинъ будетъ помогать другому. Но это возможно будетъ только для тѣхъ, кто тому научены.

13. XI. Образованіе къ добродѣтели должно начинаться рано, пока еще пороки не успѣли овладѣть душами.

Если поле не засѣютъ добрымъ сѣменемъ, то оно также производитъ растенія, но только сорную траву и куколь. Когда же желаютъ обработать его, то легче всего и съ наиболѣе вѣрною надеждою на урожай можно это сдѣлать тотчасъ раннею весною. Вообще очень важное значеніе имѣетъ приученіе съ дѣтства, такъ какъ сосудъ долгое время сохраняетъ запахъ того вещества, которымъ онъ былъ наполненъ.

14. XII. Добродѣтели изучаются чрезъ постоянную честность въ поступкахъ⁶⁾.

Что должно быть познано, то изучается чрезъ познаніе, что должно быть сдѣлано, то достигается дѣломъ, какъ это мы видѣли въ 20 и 21 главахъ. Какъ дѣти ходить легко выучиваются чрезъ хожденіе, говорить чрезъ говореніе, письму чрезъ писаніе, такъ они должны повиновенію учиться чрезъ послушаніе, воздержанію чрезъ подавленіе своихъ желаній, правдивости чрезъ правдивыя рѣчи, постоянству чрезъ терпѣніе и т. д.; если только есть люди, которые и словомъ и дѣломъ показываютъ имъ примѣръ.

15. XIII. Ученикъ всегда долженъ видѣть примѣры правильной жизни со стороны родителей, нянекъ, учителей и товарищей.

Дѣти, какъ молодые обезьяны, всему, что видятъ, хорошее или худое, стремятся подражать, также безъ побужденія со стороны; и потому они скорѣе учатся подражать, чѣмъ познавать. Но живые примѣры понимаются также хорошо, какъ представляемые въ разсказахъ; живые примѣры имѣютъ даже особенно сильное дѣйствіе. Потому когда честные родители являются заботливыми оберегателями домашней дисциплины, когда школьные учителя подаютъ примѣръ въ добрыхъ нравахъ, то это будетъ чуднымъ средствомъ приучить дѣтей къ благоприличному поведенію.

16. XIV. Къ примѣрамъ однако должны быть присоединяемы предписанія и правила.

Чрезъ нихъ подражаніе будетъ исправляемо, восполняемо и усиливо. (См. 21 главу, прав. IX.). Необходимыя правила могутъ быть позаимствованы изъ Свящ. Писанія и изъ изреченій мудрецовъ. Напр. почему и какъ должно предохранять себя отъ зависти? Какимъ оружіемъ должно грудь охранять отъ боли и защищать противъ напастей жизни? Какъ умѣрять радость? Какъ подавлять гнѣвъ? недозволенную любовь? и подобное; все однако должно быть примѣняемо къ ступени возраста и успѣховъ.

17. XV. Затѣмъ дѣти должны быть охраняемы отъ

обращенія съ чѣмъ бы то ни было дурнымъ, чтобы имъ не заразиться.

Вслѣдствіе испорченности природы дурное легче пристааетъ и затѣмъ упорнѣе держится. Потому со всею ревностью должно оберегать юношество отъ соблазновъ порчи, каковы: худые товарищи, неприличные рѣчи, пустыя и бесполезныя книги, (ибо примѣры зла, воспринимаются ли они глазами или ушами, одинаковый ядъ для души), наконецъ праздность, вслѣдствіе которой они могутъ предаться злу и духовно закоснѣть. По этой причинѣ полезно всегда чѣмъ-нибудь ихъ занимать, серьезными ли вещами или играми, лишь бы они не были праздны.

18. XVI. Но такъ какъ мы никакимъ образомъ не можемъ быть настолько осторожными, чтобы иногда не вкралось что-нибудь дурное, то необходима вообще строгая дисциплина⁷⁾ для предохраненія отъ дурныхъ нравовъ.

Врагъ, злой духъ бодрствуетъ не только тогда, когда мы спимъ, но также тогда, когда мы бодрствуемъ; и въ то время, когда мы доброе сѣмя сѣемъ на духовное поле, онъ подкрадывается и всѣваетъ свои плевелы, и затѣмъ зло настолько разрастается, что является необходимость силою ему противо-дѣйствовать. Но ему противо-дѣйствуютъ посредствомъ дисциплины, т. е. чрезъ выговоры и наказанія, словомъ и дѣломъ, смотря по требованію обстоятельствъ, и всегда по свѣжимъ слѣдамъ, чтобы порокъ уничтожался въ своемъ зародышѣ или, что еще лучше, вырывался съ корнемъ. Слѣдовательно, въ школахъ необходима дисциплина не столько для наукъ (которыя, преподаваемыя по правильному методу, только услаждаютъ и привлекаютъ къ себѣ человѣческій духъ), сколько для нравовъ.

Но о дисциплинѣ ниже въ 26 главѣ.

Глава XXIV.

Методъ для внушенія благочестія.

1. (Можно ли установить методъ для изученія благочестія?) Благочестіе есть даръ Божій, сообщаемый съ неба чрезъ Учителя и Наставителя Св. Духа; но такъ какъ Св. Духъ дѣйствуетъ чрезъ обыкновенныя средства и избираетъ своими слугами родителей, учителей и пастырей душъ, которые должны усердно ухаживать за райскими растеніями и ихъ поливать (1 Кор. 3, 6—8), то необходимо, чтобы они знали кругъ своихъ обязанностей.

2. (Что разумѣется подъ благочестіемъ.) Что разумѣется подъ именемъ благочестія, это мы уже упоминали, именно чтобы (по правильному пониманію вѣры и религіи) наше сердце умѣло вездѣ отыскивать Бога (котораго Писаніе называетъ сокровеннымъ — Ис. 45, 15—, невидимымъ Царемъ — Евр. 11, 27—, такъ какъ Онъ скрывается подъ покровомъ своихъ дѣлъ, во всѣхъ видимыхъ вещахъ невидимо присутствуетъ, всѣмъ невидимо управляетъ), за нимъ слѣдовать и въ немъ находить наслажденіе для себя. Первое достигается чрезъ разсудокъ, второе чрезъ волю, третье чрезъ упоенье сознанія.

3. Мы ищемъ Бога, когда во всемъ созданномъ видимъ слѣды божества. Мы слѣдуемъ Богу, когда во всемъ совершенно предаемся Его волѣ, чтобы дѣлать и переносить то, что угодно Ему. Мы наслаждаемся Богомъ, когда въ Его любви и милости находимъ покой, такъ что для насъ на землѣ и на небѣ нѣтъ ничего дороже Бога, ничего сладостнѣе Его славы, чтобы наше сердце таяло отъ любви къ Нему.

4. (Три источника и три способа черпать изъ нихъ.) Мы имѣемъ три источника, изъ которыхъ можемъ почерпать эти возбужденія; различаются три способа или ступени пріобрѣтенія ихъ.

5) (Три источника суть три Откровенія Бога: въ твореніи, Писаніи и вдохновеніи.) Эти источники суть: Священное Писаніе, міръ и мы сами. Въ пер-

вомъ случаѣ мы имѣемъ Слово Божіе, во второмъ Его дѣла и въ третьемъ вдохновеніе. Что изъ Писанія почерпаются познаніе Бога и любовь къ Нему, это для насъ несомнѣнно. А что мы міромъ и мудрымъ наблюденіемъ заключающихся въ немъ дѣлъ Божіихъ побуждаемся къ благочестію, о томъ свидѣтельствуютъ сами язычники, которые чрезъ одно только разсмотрѣніе міра пришли къ почитанію божескаго Существа. Это видно изъ примѣра Сократа, Платона, Эпиктета, Сенеки и другихъ, хотя чувство любви у людей, не имѣющихъ собственного божественнаго Откровенія, не только несовершенно, но и по направленію можетъ быть ошибочно. А что тѣ, которые познаютъ Бога чрезъ слово Божіе и дѣла Божіи, имѣютъ самую сильную любовь къ Богу, то мы видимъ на Іовѣ, Іліи, Давидѣ и на другихъ благочестивыхъ мужахъ. Сюда принадлежитъ также наблюденіе частнаго промысленія Божія о насъ самихъ, какъ это на своемъ примѣрѣ доказываютъ Давидъ (Пс. 140) и Іовъ (гл. 10).

6. (Три способа черпать изъ означенныхъ трехъ источниковъ.) Способъ почерпать изъ этихъ источниковъ благочестіе троякій: размышленіе, молитва и испытаніе. Уже Лютеръ говорилъ, что эти три условія дѣлаютъ богослова; но и христіанина вообще могутъ дѣлать только эти три условія.

7. (I. Размышленіе.) Размышленіе есть частое внимательное и благоговѣйное разсматриваніе въ мысли дѣлъ, словъ и благодѣяній Божіихъ: какъ все происходитъ только отъ благоволенія Божія (дѣйствующаго или попускающаго) и какъ чудными путями всѣ рѣшенія воли Божіей достигаютъ своей цѣли.

8. (II. Молитва.) Молитва есть частое, даже нѣкоторымъ образомъ постоянное возношеніе сердца къ Богу и призываніе Бога, чтобы Онъ помогаль намъ Своимъ милосердіемъ и руководилъ насъ Своимъ Духомъ.

9. (III. Испытаніе.) Испытаніе наконецъ есть часто повторяемая повѣрка нашего возростанія въ благочестіи, производится ли она нами самими или

другими, куда принадлежатъ искушенія отъ людей, отъ діавола и также Богомъ ниспосылаемыя. Самъ человѣкъ долженъ себя иногда испытывать, имѣеть ли онъ еще вѣру (2 Кор. 13, 5), и какъ усердно онъ исполняетъ волю Божию; затѣмъ мы должны быть испытываемы также людьми, какъ друзьями такъ и недругами. Это бываетъ, когда тѣ, которые обязаны заботиться о благочестіи другихъ, чрезъ бдительное наблюденіе, явнымъ и тайнымъ образомъ провѣряютъ, какіе мы дѣлаемъ успѣхи; затѣмъ когда Богъ даетъ намъ противника, который учить насъ прибѣгать къ Богу и открываетъ намъ, сколько мы имѣемъ силы вѣры. Наконецъ Богъ посылаетъ къ намъ также злого духа или тотъ самъ собою поднимается противъ человѣка для того, чтобы обнаружилось, каково сердце у человѣка. Все это должно быть внушаемо христіанскому юношеству, чтобы всѣ приучились во всѣхъ случаяхъ жизни сердцемъ возноситься къ Тому, Который есть начало и конецъ всего, и въ Немъ одномъ искать покоя для души.

10. (Методъ благочестія заключаетъ въ себѣ 21 правило.) Особенный въ данномъ случаѣ методъ можно объять въ слѣдующихъ 21 правилахъ.

I. Дѣло внушенія благочестія нужно начинать съ ранняго дѣтства.

Откладывать это дѣло не только бесполезно, но прямо опасно. Что болѣе раннему нужно учиться рано и тѣмъ, что составляетъ главное, нужно заниматься по преимуществу, этому учить простой разумъ. А что есть болѣе ранняго и болѣе главнаго какъ благочестіе, безъ котораго всякое другое ученіе можетъ мало пользы принести, тогда какъ оно само заключаетъ въ себѣ обѣтованія и настоящей и будущей жизни (1 Тим. 4, 8). Оно есть то одно, что нужно (Лук. 10, 42), исканіе царства Божія, и если кто имѣеть въ себѣ заботу объ этомъ, тому остальное все приложится (Мѡ. 6, 33). Откладываніе также опасно, потому что если нѣжныя души не исполняются любовью къ Богу, то въ продолженіе жизни, когда она долго проходитъ безъ чувства благоговѣнія передъ Высшимъ Существомъ, само собою поне-

5096. **Александровское** ремесленное училище въ Саратовѣ. (Педагогическая замѣтка.) Н. Вейтцель. Народная Школа. 1878. 11; стр. 53—56.

5097. **Ремесленное** училище графа Владиміра Владиміровича Орлова-Давыдова въ Симбирскѣ. Корреспондентъ. Камско-Волжская газета. 1873. 56.

5098. **Симбирское** ремесленное училище гр. В. В. Орлова-Давыдова. Симбирскія губ. вѣд. 1876. 91.

5099. **Денежный отчетъ** по Симбирскому ремесл. училищу гр. В. В. Орлова-Давыдова. За 1879-й г. Симбирскія губ. вѣд. 1880. 39.

5100. **Отчетъ** по Курымской ремесл. школѣ за 1874 г. Симбирскія губ. вѣд. 1875. 9.

5101. **Смоленское** ремесленное училище съ 1874 по 1880 годъ. Смоленскій Вѣстникъ. 1880. 35.

5102. **Ремесленное** училище въ Ставрополѣ. Народная Школа. 1873. 8; стр. 45—49.

5103. **Отчетъ** по Ставроп. Михайловскому ремесл. училищу для приходящихъ за 1873-й г. Ставропольскія губ. вѣд. 1874. 5 и 6.

5104. **Отчетъ** Ставропольск. Михайловскаго ремесл. училища за 1875-й г. Ставропольскія губ. вѣд. 1876. 23.

5105. **Михайловское** ремесл. училище въ Ставрополѣ. Ставропольскія губ. вѣд. 1877. 52.

5106. **Краткій отчетъ** о состояніи Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища за 1877 гражданскій годъ. Ставропольскія губ. вѣд. 1878. 11.

5107. **Нужно ли намъ** ремесленное училище? (Корреспонденція Ставропольскихъ губ. вѣд. по поводу статьи: «Михайловское ремесленное училище въ г. Ставрополѣ», помѣщенной въ № 52 «Ставропольскихъ губ. вѣд.» за 1877 годъ.) Ставропольскія губ. вѣд. 1878. 6.

5108. **Отчетъ** Ставроп. Михайл. ремесленнаго училища за 1878—79 г. читанный П. А. Владиміровымъ. Ставропольскія губ. вѣд. 1879. 46.

5109. **Отчетъ** о состояніи Ставропольскаго Михайлов-

скаго ремесленнаго училища за 1878, 1879, 1880 и 1881 гг. Ставропольскія губ. вѣд. 1882. 18.

5110. **Состояніе** мѣстн. ремесл. школь. Справ. Листокъ. Мартъ. — Сызр. жел. дор. 1876. 85 и 86.

5111. **Прошлое** ремесленнаго училища. Тамбовскія губ. вѣд. 1881. 5.

5112. **Тамбовское** ремесленное училище. Н. Быстровъ. Народн. Школа. 1880. 6 и 7; стр. 48—54.

5113. **Тамбовское** ремесленное училище въ 1881 году. (По поводу отчета о состояніи Тамбовскаго ремесленнаго училища за 1881 годъ.) Тамбовскія губ. вѣд. 1882. 90.

5114. **Тамбовское** ремесленное училище въ 1882 г. (По поводу «Отчета о состояніи Тамбовскаго ремесленнаго училища за 1882 годъ.») Тамбовскія губ. вѣд. 1883. 86.

5115. **Начальная** школа съ ремесл. классами въ Твери. Тверской Вѣстникъ. 1879. 9 и 10; тоже Тверскія губ. вѣд. 1879. 10—12.

5116. **Отчетъ** о состояніи Тверскаго ремесленнаго училища Общества Доброхотной Копейки, состоящаго подъ покровительствомъ Ея И. В. Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской за 1882 годъ. Тверскія губ. вѣд. 1883. 63.

5117. **Владикавказское** ремесленное училище и его питомцы. Статья **І. Б.** Ставропольскія губ. вѣд. 1879. 30.

5118. **Лорисъ-Меликовское** ремеслен. училище. Терскія Вѣдомости. 1878. 27.

5119. **Еще о Лорисъ-Меликовскомъ** ремесленномъ училищѣ. Терскія Вѣдомости. 1879. 6.

5120. **Владикавказское** ремесленное училище и его питомцы. Терскія Вѣдомости. 1879. 28.

5121. **Отчетъ** Владикавказ. гр. Лорисъ-Меликова ремесл. училища за 1880-й г. Терскія Вѣдомости. 1881. 21 и 22.

5122. **Владикавказское** графа Лорисъ-Меликова ремесленное училище. (Извлеченіе изъ отчета за 1881 годъ.) Терскія вѣд. 1882. 26 и 28.

5123. **Школы** Харьков. ремеслен. общества въ 1877—78 г. **И. Фесенко.** Харьковъ. 1878. 271.

5124. **Объ устройствѣ** воскресныхъ и вечернихъ классовъ для ремесленниковъ г. Харькова. И. О. Фесенко. Харьковскія губ. вѣд. 1878. 10 и 11.

5125. **Объ устройствѣ** ремеслен. училищъ. В. А. Бѣлинскій. Харьковскія губ. вѣд. 1880. 327, 328, 329 и 330.

5126. **О постройкѣ** въ Одессѣ ремесленного училища. Правда. 1880. 221.

5127. **Положеніе** ремесленного класса въ Одессѣ. Правда. 1880. 125.

5128. **Отчетъ** Елисаветград. бесплатн. ремеслен. училища за 1875—76 г. Елисаветград. Вѣстникъ. 1876. 17, 18 и 30.

5129. **Отчетъ** Елисаветград. бесплатн. ремесленно-грамотнаго училища за 1877—78 уч. годъ. Елисаветград. Вѣстникъ. 1878. 105.

5130. **Елисаветградское** ремесл. училище. Статья г. Г. Трудъ. 1882. 11. (Прилож.)

5131. **Замѣтка** о важности ремесленныхъ училищъ. Н. Т. Ярославскія губ. вѣд. 1882. 93.

5132. **Воскресно-ремесленные** и коммер. училища (въ Варшавѣ). Статья К. А—б—о. Спбургскія Вѣдомости. 1874. 260.

5133. **О Гребенщиковскомъ** училищѣ. Рижскій Вѣстникъ. 1876. 75.

5134. **Праздно-техническая** говорильня. Статья В. П. Новое время. 1881. 1790.

5135. **Бесѣда** по сообщенію Е. Н. Андреева: «О подготовкѣ къ технич. учебнымъ заведеніямъ и преподаванію въ нихъ технич. и общеобразоват. предметовъ». Записки Русск. Технич. Общества. 1880. 4; стр. 13—47.

5136. **Къ вопросу о томъ**, на сколько наши техническія высшія учебныя заведенія удовлетворяютъ цѣли. Екатеринбургская Недѣля. 1880. 39.

5137. **Наши** высшія техническія учебныя заведенія. Елисаветград. Вѣстникъ. 1880. 108.

5138. **Высшее** строительно-техническое образованіе въ Россіи. (Педагог. хроника.) Педагог. Музей. 1879. 7 и 8; стр. 588—590.

5139. **Правильная** постановка, общественное значеніе и экономическая сторона технического образованія. Е. Н. Андреевъ. 8^о 126 стр. Спб. 1879. (Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8^о 126 стр. Ц. 75 к.)
5140. **Дѣло** технич. образованія въ Россіи. Статья С. Н. Новоросс. телеграфъ. 1878. 1110, 1112, 1118.
5141. **Нѣкоторыя** данныя по вопросу объ устройствѣ быта рабочихъ и учениковъ на фабрикахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. П. А. Овчинниковъ. Москва. 1881. Печатня С. П. Яковлева. 8^о 24 стр.
- 1) Юридич. Вѣстникъ. 1881. Т. 6. № 3. (Рец. на оберткѣ.)
2) Нева. 1881. № 10. (Библиограф. зам.)
5142. **Къ вопросу** объ устройствѣ высшаго технического училища. Х. Южный Край. 1881. 342.
5143. **Элементарное** техническое образованіе въ Россіи. Статья Н. Нов-аго. Семья и Школа. 1878. 10; кн. II; стр. 181—193, 11, кн. II; стр. 264—280, 12; кн. II, стр. 348—372.
5144. **Практическое** обученіе въ технич. училищѣ. А. Токкаревскій, Кроншт. Вѣстникъ. 1876. 103.
5145. **По поводу** этой статьи. Н. Афонасьевъ. Кроншт. Вѣстникъ. 1876. 117.
5146. **Школы** «Русскаго Техническаго Общества». Хроникеръ. Семья и Школа. Ч. 2. 3; кн. 2. 1876. стр. 134—151.
5147. **О техническомъ** образованіи въ Россіи (Перед. ст.) Новое Время. 1875. 76.
5148. **О техническомъ** образованіи. (Перед. ст.) Спбургскія Вѣдомости. 1875. 16.
5149. **Катехизація** на темы изъ техническихъ производствъ. К. К. Веберъ. Дѣтскій Садъ. 1874; стр. 108—120.
5150. **Школа** русскаго технического общества. Голось. 1874. 257.
5151. **Письмо Ф. Батомина** о высшихъ технич. училищахъ, въ отвѣтъ на ст. «Моск. Вѣд.» Биржевыя Вѣдомости. 1874. 357.
5152. **Очеркъ** организаціи технич. училища. Статья И. А. Морской Сборникъ. 1877. Ч. 158. 1; стр. 87—128.

5153. **Извлеченіе** изъ отчета предсѣдателя ученаго отдѣленія Морского технич. комитета и комитета Морскихъ учебн. заведеній за 1873 г. Морской Сборникъ. 1874. т. 144. 10; стр. 1—68.

5154. **Отчетъ** о приемѣ воспитанниковъ въ техническое училище Морского вѣдомства въ 1873 году. Кронштадтскій Вѣстникъ. 1874. 15.

5155. **Отчетъ** предсѣдателя ученаго отдѣленія Морского технич. комитета и комитета учебныхъ заведеній за 1872 г. Морской Сборникъ. 1874. т. 144. 9; стр. 1—74.

5156. **Отчеты** школъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежденныхъ Импер. Русск. Технич. Обществомъ... за 1875—76 учебный годъ. Спб. Тип. Пантелеевыхъ. 1877. — 8°. 94 стр. (560 экз.)

5157. **Отчетъ** о дѣйствіяхъ ученаго отдѣленія Морского технического комитета и комитета Морскихъ учебныхъ заведеній за 1874 годъ. Спб. 1876. Тип. Морск. Мин. 8°. 76 стр. и 1 стр. чертежей. (200 экз.)

5158. **Отчеты** школъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежденныхъ Императорскимъ Русскимъ техническимъ обществомъ, за 1873—1874 уч. годъ. Спб. 1874. Тип. Пантелеевыхъ. 8°. 55 стр. (Напеч. 1.200 экз.)

5159. **Отчеты** школъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежд. Русскимъ технич. обществомъ при содѣйствіи гг. фабрикантовъ и заводчиковъ, съ 1869—1870 по 1872—1873 уч. годы. Спб. 1874. Тип. Пантелеевыхъ. 8 д. 11—64 стр. (Напеч. 1.350 экз.)

5160. **Дѣйствія** комиссіи по техническому образованію. Спб. 1874. Тип. Пантелеевыхъ. 8 д. 145 стр. (Напеч. 1.000 экз.)

5161. **Потребность** нашего общества въ технич. образованіи. Одесскій Вѣстникъ. 1873. 25.

5162. **Еще нѣчто** о технич. школъ. Кавказъ. 1873. 31.

5163. **Къ вопросу** о техническомъ образованіи. Мих. Голубинцевъ. Донская газета. 1873. 50.

5164. **Положеніе** технич. образованія на югѣ Россіи. Статья Э. С. Одесскій Вѣстникъ. 1873. 150 и 151.

5165. **Антъ**, торжественный, школь Имп. русск. технич. общества 17-го февр. 1870 г. въ память десятилѣтн. существованія школь, учрежденн. обществомъ для рабочихъ. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 1881. 8°. 26 стр. 100 экз.

5166. **Труды** комисіи для техническаго образованія. Живописное Обозрѣніе. 1882. 25 и 26.

5167. **Отчетъ** о дѣятельности комисіи по техническому образованію за 1874 годъ. Записки Имп. Русск. Технич. Общества 1875. 3; стр. 57—61. — 1876. 1; стр. 1—60.

5168. **Труды** комисіи по технич. образованію. Помѣщ. въ запискахъ И. Русск. Технич. Общ. 1872—1882.

5169. **Приложеніе** къ трудамъ комисіи по техническому образованію. Обзоръ нашихъ технич. учебн. заведеній Спб. 1877. Тип. Пантелеевыхъ. 8 д. 38 стр. (1500 экз.)

5170. **Труды** комисіи по техническому образованію при И. Русскомъ Технич. Обществѣ за 1875 г. Спб. 1876. Тип. Пантелеевыхъ. 8°. 60 стр. (550 экз.) Ц. 50 к.

5171. **Тоже** за 1876—1877. Спб. 1878. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 1878. 8°. IV и 197 стр.

5172. **Тоже** за 1878—1879. Спб. 1880. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8°. 268 стр.

5173. **Тоже** за 1879—1880. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8°. 196 стр.

5174. **Тоже** за 1880—1881. Спб. 1882. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8°. 2 ч. 311 стр.

5175. **Школа** десятниковъ по строительному дѣлу, устроенная Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ. Л. Журавлевъ. Народн. Школа. 1879. 11; стр. 34—41.

5176. **Объ устройствѣ** въ г. Одессѣ высш. технич. училища. П. Залѣсскій. Одесскій Вѣстникъ. 1874. 32.

5177. **О механическомъ** заведеніи Гакса въ отношеніи къ Кунгурскому технич. училищу. Вас. Федор. Гроссманъ. Пермскія губ. вѣд. 1881. 14.

5178. **Свѣдѣнія** для поступающихъ въ Кунгурское техническое, Губкина, училище. Екатеринбургская Недѣля. 1880. № 22.

5179. **Кунгурское** техническое училище. Пермскія губ. вѣд. 1879. 47, 48 и 49.
5180. **Открытіе** технич. училища въ г. Кунгурѣ. Пермскія епарх. вѣд. 1877. 31.
5181. **Отчетъ** совѣта Общества содѣйствія техническо-ремесленному образованію на Кавказѣ за первый годъ существованія Общества, съ 31-го мая 1879 года по 31-е мая 1880 года. Кавказъ. 1880. 140.
5182. **По поводу** открывающагося въ г. Новочеркасскѣ технического ремесленнаго училища. В. Курмоярецъ. Донскія обл. вѣд. 1875. 21.
5183. **О техническомъ** училищѣ въ Череповцѣ. Голось. 1874. 126, 143 и 174.
5184. **Александровское** технич. училище въ г. Череповцѣ. Спбургскія Вѣдомости. 1874. 129.
5185. **Череповское** Александровское техническое училище. Новгородскія губ. вѣд. 1873. 22 и 31.
5186. **Отчетъ** преподавателя Сарапульскаго Алексѣевского реального училища Оловяшна о поѣздкѣ съ учениками механическо-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса училища, для осмотра Воткинскаго и Камскаго заводовъ. Циркуляръ по Казанскому Учебн. Округу. 1881. 12; стр. 422—424.
5187. **Нѣсколько** словъ о Воронежскомъ техническомъ желѣзно-дорожномъ училищѣ. Донъ. 1880. 34.
5188. **Училище** при фабрикѣ гг. Гарелиныхъ, въ г. Иваново-Вознесенскѣ (Владим. губ.). Корреспонденція «Народн. Школы». Статья Н. Н. Народн. Школа. 1879. 10; стр. 48—49.
5189. **Техническое** училище въ Варшавѣ. Корреспонд. **К—ъ А—б—о**. Спбургскія Вѣдомости. 1874. 82.
5190. **Отчетъ** начальника технического училища за 1875-й г. Морской Сборникъ. 1876. т. 154. 6; стр. 17—56.
5191. **Списокъ** окончившихъ курсъ въ Имп. Московскомъ техническомъ училищѣ съ обозначеніемъ рода ихъ занятій. Изд. 1-е. Москва. 1887. Тип. «Русская». 8^о., 44 стр. (300 экз.)
5192. **Преобразованія** въ Московскомъ техническомъ училищѣ. (Письмо въ редакцію). X. Русск. Вѣдом. 1881. 354.

5193. **Къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей».** X. Русскія Вѣд. 1880. 261.

По поводу допущенія г. Я. Я. Никитинскаго къ преподаванію технологіи въ техническомъ училищѣ.

5194. **Къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей» N.** (По поводу предыдущаго письма.) Русскія Вѣд. 1880. 266.

5195. **Актъ въ технич. училищѣ.** Статья N. Московскія Вѣдомости. 1878. 11.

5196. **Отчетъ о дѣятельности Имп. Технич. Училища за 1876—77 академ. годъ.** Содержаніе: Краткій отчетъ о состояніи Имп. Технич. Учил. за 1876—77 учебн. годъ. В. К. Делла-Вось. — Наиболѣе рациональный и прстой способъ оздоровленія городовъ, селеній, школь, лазаретовъ и пр. Статья П. П. Панаева. — Упрощенный расчетъ трех-пролетной фермы, въ крайнихъ пролетахъ разрывной между опорами. Статья А. А. Шумилина. — О продуктѣ дѣйствія царской водки на орцинъ. Статья Э. В. Реймана. М. 1876. Унив. тип. 70, 102, 15, 4 стр. (150 экз.) (б. ц.)

Указатель по дѣламъ печати. 1878. 6. (Рец.)

5197. **Московское техническое училище.** Ремеслен. Газета. 1876. 18, 19 и 20.

5198. **Программы Имп. Московскаго техническаго училища:** — Подробная программа строительнаго искусства (II спец. классъ). — Подробная программа инженернаго искусства. (III спец. классъ). Проф. Павелъ Панаевъ. Журналъ Минист. Путей Сообщ. 1880. 12; стр. 389—452.

5199. **Актъ въ Моск. технич. училищѣ.** Вѣстникъ Промышленности. 1873. 1.

5200. **Результаты приѣмн. испытаній въ И. технич. училище.** Почему подано такъ мало прошеній. Статист. свѣдѣнія. Сочувствующій Русск. Газетѣ. 1880. 137.

5201. **Отчетъ о дѣятельности Имп. Московскаго технического училища за 1885—86 академической годъ.** Москва. 1887. Тип. общ. распротр. полезн. книгъ. 8 д., 57, 31, 59, 115 стр. и атласъ чертежей изъ 18 таблицъ. (600 экз.)

5202. **Императорское Московское техническое училище.**

Программа условій приема учащихся. Москва. 1882. Тип. С. Орлова. 8^о, 15 стр. (300 экз.)

5203. **Программы** Имп. Московскаго технического училища. Спб. Тип. Мин. Путей Сообщ., А. Бенке. 1881. 8^о. 64 стр. (45—108.) Ц. 50 к. (500 экз.)

5204. **Программы** учебныхъ курсовъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ. Москва. Тип. М. Н. Каткова. 1879. 8^о. 180 стр.

5205. **Отчетъ** и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго технического училища 1873—74 акад. года. Москва. 1874. Унив. тип. 8 д. 71, 35, 67, 19 и 44 стр. (600 экз.)

5206. **Правила** по учебной части для учащихся въ Спб. Практ. Технол. Институтѣ. Спб. Тип. Тов. Общ. Польза. 8^о. 19 стр. (1200 экз.)

5207. **Къ вопросу** о технологическомъ Институтѣ. К. Детловъ. Южный Край. 1880. 15.

5208. **Пятидесятилѣтній юбилей** С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института; подъ редакціей Н. П. Ильина. 2-ое изд. Спб. (складъ въ канцел. Института). 1879. 8^о. 518 стр.

5209. **Пятидесятилѣтній юбилей** технологическаго института. Всемирная Иллюстрація. 1879. 521 и 522.

5210. **По поводу юбилея** технолог. института. Буква. Биржев. Вѣдомости. 1878. 334.

5211. **Къ вопросу** о положеніи русскихъ техникувъ. (Школьныя задачи и практическая дѣятельность.) Инженеръ-технологъ М. Н. Триполитовъ. Вѣстникъ Промышленности. 1884. 8; стр. 17—26. 9; стр. 1—10. 10; стр. 31—40. 11; стр. 21—31 и 12; стр. 1—18.

5212. **Школы** Имп. русскаго технического общества. Пермскія губ. вѣд 1883. 100.

5213. **О низшихъ** техническихъ школахъ. Статья А. Б. Отеч. Записки 1882. 6; стр. 202—219.

5214. **Ремесленная школа** въ Тобольскѣ. Мельниковъ. Тобольскія губ. вѣд. 1881. 19.

5215. **Томское** Алексѣевское реальное училище въ 1882—83 учебномъ году. Томскія губ. вѣд. 1883. 34.

5216. **Открытіе** въ г. Иркутскѣ технического училища. Иркутскія губ. вѣд. 1874. 20 и 21.

5217. **Открытіе** въ г. Иркутскѣ технического училища. Св. М. Успенскій. Прибавленія къ Иркутскимъ епарх. вѣд. 1874. 7.

5218. **Исторія** съ Иркутскимъ технич. училищемъ. Биржевыя Вѣдомости. 1874. 153.

5219. **Отчетъ** о командировкѣ за границу учителя Никол. реальн. училища. А. Гольдерекера. (По технич. знаніямъ.) Циркуляръ по управл. Одесск. учебн. окр. 1875. 3.

5220. **По поводу** высшаго технического училища въ Харьковѣ. Статья Д. П. Мирь. 1881. Т. I. 2; (Ноябрь) стр. 166—172.

5221. **Харьковскій** технологическій институтъ. А. Шимковъ. Южный Край. 1881. 10.

5222. **Харьковскій** практ. технолог. институтъ. А. Эйнарсовскій. Зодчій. 1880. 1; стр. 4—6. 3—4; стр. 43—44 и 10—11; стр. 91—92.

5223. **По поводу** организаціи высшаго технического училища въ гор. Одессѣ. П. Залѣсскій. Одесскій Вѣстникъ. 1874. 67.

5224. **Выставка** слесарныхъ и столярныхъ работъ Александровскаго училища. Замѣтка А. Д. Саратовск. Дневникъ. 1880. 3.

5225. **Отчетъ** Калуж. технич. училища Рязско-Вяземской ж. дороги за 1878—1881 г. Калужскія губ. вѣд. 1881. 106, 108, 110, 113 и 114.

5226. **Школа** для обученія типографскому искусству дѣтей духовенства. Харьковскія епарх. вѣд. 1873. 15; стр. 121—122.

5227. **Положеніе** о школѣ печатнаго дѣла, учрежденной Имп. русскимъ техническимъ обществомъ. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8^о. 7 стр. 750 экз.

5228. **Школа** шелководства въ Москов. епарх. Владычне-Покров. общинѣ. Статья **И. Ц.** Московскія церк. вѣд. 1881. № 39.

5229. **Отчетъ** Туркест. школы шелководства В. Ошанинъ и А. Вилькинсъ. Сельск. Хозяйство и Лѣсоводство. 1876. 9; стр. 89—111 и 10; стр. 139—151.

5230. **Школа** шелководства при Покровской общинѣ сестеръ милосердія въ Москвѣ. **Вл. Л-скій.** Земледѣльч. Газета. 1876. 38; стр. 600—601.

5231. **Школа** для фабричныхъ, въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Статья **Н.** Русскія Вѣдомости. 1873. 156.

5232. **Московское** пивоваренное училище. Архивъ русск. пивоваренія. 1881. 2; стр. 43—44.

5233. **Техническая** школа серебряныхъ издѣлій, учрежденная фабрикантомъ, моск. купцомъ А. М. Постниковымъ, въ Москвѣ. Статья **М. П.** Петерб. газета. 1873. 121.

5234. **Сравнительный** очеркъ учебныхъ программъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній по строительной техникумъ. Спб. тип. А. Бенке. 1879. 8⁰. 10 стр. Ц. 10 к.

5235. **Одна** изъ задачъ строит. училища. Рѣчь **Н. В.** Султанова. Зодчій. 1882. 5; стр. 71—72.

5236. **По поводу** этой статьи. **З. Зосимовскій.** Зодчій. 1882. 6; стр. 85—87.

5237. **Студенты—«дикари».** Статья **И. Р. Л-ва.** Недѣля. 1883. 4.

Студенты рижскаго Политехникума.

5238. **Положеніе** о рижскомъ политехническомъ училищѣ. Рига. 8⁰. 20 стр. Тип. Миллера.

5239. **Къ вопросу** о профессиональныхъ школахъ. Мирская Педагог. Хроника. 1879. 18.

5240. **Профессиональныя** школы и обученіе ремесламъ. **Н. Х. Вессель.** Спб. (Изд. журн. «Семья и Школа». Тип. Мин. Путей Сообщ. А. Бенке). 1881. 8⁰. 37 стр. Ц. 1 р.

Порядокъ. 1881. № 53. (Рец.)

5241. **Профессиональное** образованіе и профессиональныя

школы. Н. Вессель. Голось. 1880 г. 265, 269, 276, 281, 288 и 290.

5242. **Къ вопросу** о профессиональныхъ школахъ. Новоросс. Телеграфъ. 1880. 16, 17.

5243. **О начальномъ** професс. образованіи. Н. Яцковичъ. Южный Край. 1880. 12.

5244. **По поводу** професс. школъ, проектируемыхъ земствомъ и городомъ. Д. Деларю. Южный Край. 1880. 17.

5245. **Отвѣтъ** И. О. Фесенко. Южный Край. 1880. № 22.

5246. **О профессиональныхъ** школахъ. (Изъ записокъ Тифлисск. гимназистки дѣвицы Z) Листокъ Кавказск. объявленій. 1880. 121, 122, 126 и 127.

5247. **Объ экономическихъ** условіяхъ Баталупминскаго у. по вопросу о професс. школахъ. Статья Н. Н. Кубанскія обл. вѣд. 1880. 37.

5248. **Профессиональныя** училища. Екатеринбургская Недѣля. 1882. 1.

5249. **Пятилѣтіе** первой профессиональной школы въ Петербургѣ. Зам. В. М. Женское Образование. 1884. 8; стр. 534—536.

5250. **Къ вопросу** о русскихъ промышленныхъ школахъ. А. Фролковъ. Народная Школа. 1885 г. 2; стр. 10—20.

5251. **Ручныя работы** въ народныхъ школахъ. Народная Школа. 1886 г. 12; стр. 25—33.

5252. **Къ вопросу** о ручномъ трудѣ. Народная Школа. 1888 г. 6—7; стр. 73—74.

5253. **Чѣмъ должны быть** обще-спеціальныя школы. Николаев. Вѣстникъ. 1877. 111.

5254. **Спеціализація** учебныхъ заведеній. Церковно-Обществ. Вѣстникъ. 1881. 51.

5255. **Отрывокъ** изъ исторіи преобразованій нынѣшняго горнаго института. (Изъ архивн. документовъ извлекъ А. Кеппенъ.) Южно-Русскій Горный Листокъ. 1884. 89.

5256. **Горный институтъ.** Программы преподаваемыхъ

предметовъ. Спб. Тип. А. Якобсона. 1877. 8°. IV и 137 стр. (200 экз.)

5257. **Правила** для желающихъ поступить въ Горный институтъ. Спб. 1878. Тип. А. Якобсона. 8°. 4 стр. (200 экз.)

5258. **Мѣсто** Горнаго института. Письмо А. И. Скандера. Голосъ. 1881. 86.

5259. **О перенесеніи** Горнаго института (въ Екатеринбургѣ). Письмо г. И. Т. Новое Время. 1881. 1830.

5260. **Нѣсколько** словъ по поводу преобразованія Горнаго института. Проф. Ив. Тиме. Горный Журналь. 1884. 5; стр. 309—317.

5261. **Очеркъ** измѣненій по учебной части въ горномъ институтѣ за послѣднее двадцатилѣтіе. В. Бекъ. Спб. Тип. А. Якобсона. 8°. 36 стр. (400 экз.)

5262. **Горное** училище поляковъ. Горный Журналь. 1882. т. 3. 7—8; стр. 208—212.

5263. **Забытое** училище. (Уральское горное училище.) А. Черноскутовъ. Екатеринбург. Недѣля. 1879. 5.

5264. **Планъ** практическихъ занятій для воспитанниковъ Уральского горнаго училища на желѣзодѣлательномъ заводѣ. Екатеринбургская Недѣля. 1880. 50.

5265. **О преобразованіи** Уральского училища. Екатеринбургская Недѣля. 1880. 48 и 49.

5266. **Организація** и современное состояніе Лисичанской штейгерской школы. Ив. Ос. Фесенко. Южно-Русск. Горный Листокъ. 1880. 3; стр. 40—44, 4; стр. 58—60.

5267. **О той же школѣ**. Корреспонденція изъ Лисичанска. Южно-Русск. Горный Листокъ. 1880. 6; стр. 91—93.

5268. **По поводу корреспонденціи** изъ Лисичанска, помѣщенной въ № 6-мъ «Южно Русск. Горн. Листка». Данчичъ. Южно-Русск. Горный Листокъ. 1880. 9; стр. 142—143.

5269. **Отвѣтъ** г. Данчичу. (О Лисичанской штейгерской школѣ). Горн. Инж. Курбановскій. Южно-Русск. Горный Листокъ. 1880. 10; стр. 159—161.

5270. **Къ вопросу о Лисичанской штейгерской школѣ.** Д. В. Данчичъ. Южно-Русск. Горный Листокъ. 1880. 8; стр. 129—131.

По поводу статьи г. Фесенко: «Организація и современное состояніе Лисичанской Штейгерской школы».

5271. **Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи.** Проф. Я. Чистовичъ. Вѣстникъ Суд. Медицины. 1883. т. 2; стр. 1—24.

5272. **Г. М. Герценштейнъ:** Страница изъ исторіи медиц. образованія въ Россіи. Еще по поводу женскихъ врачебныхъ курсовъ. Спб. 1883.

Вѣстникъ Еврспы. 1884. № 2; стр. 859--860. (Библ. зам.)

5273. **Матеріалы** для будущей исторіи медиц. образованія въ Россіи. Герценштейнъ. Врачъ. 1881. 40; стр. 665. 41; стр. 634. 43; стр. 721 и 44; стр. 737.

5274. **Спеціальныя школы** для образованія врачей. (Перед. ст.) Голосъ. 1874. 59.

5275. **Нужды** медицинскаго образованія. Л. М. Голосъ. 1880 г. 348.

5276. **Къ слову о медицинскомъ образованіи у насъ.** — Наши молодые врачи-практики. Д. Бѣлевцовъ. Отеч. Записки. 1880. 1; стр. 34—50.

5277. **Учрежденіе** медицинскихъ курсовъ при больницахъ. Замѣтка Д. М. Современн. Извѣстія. 1881. 283.

5278. **По поводу** проекта д-ра Боголюбова объ учрежденіи медицинскихъ курсовъ при больницахъ. Статья П. К. Современн. Извѣстія. 1881. 269.

5279. **Практическая** подготовка, или apprentissage, какъ система медицинскаго образованія. К. Толстой. Русь. 1881. 53.

5280. **Докторскіе экзамены** и чѣмъ они должны быть. Д. М. Герценштейнъ. Врачебныя Вѣдомости. 1882. 2 (504); 3 (505) и 4 (506).

5281. **Академія** медико-хирургическая, публичный актъ въ ней. Медицинскій Вѣстникъ. 1873. 6.

5282. **О медико-хирургической академіи.** (Перед. ст.) Московскія Вѣдомости. 1873. 228.

5283. **По поводу** Медико-хирург. академіи. (Перед. ст.) Русскій Міръ. 1874. 5, 10, 17, 28, 35 и 142.

5284. **Въ защиту** медико-хирург. академіи. (Перед. ст.) Новое Время. 1874. (Изд. О. Нотовича.) 12.

5285. **Медико-хирургическая** академія и медицинскіе факультеты, Современная Медицина. 1874. 3 и 5; (перед. ст.)

5286. **Кафедра** физиологіи въ медико-хирургической академіи. Современная медицина. 1874. 18.

5287. **О медико-хирургической** академіи. (Перед. ст.) Московскія Вѣдомости. 1874. 25.

5288. **О порядкахъ** въ медико-хирург. академіи. (Перед. ст.) Русскій Міръ. 1874. 63.

5289. **О передачѣ** медико-хирург. академіи въ вѣдомство Минист. Нар. Просв. (Перед. ст.) Московскія вѣдомости. 1875. № 133.

5290. **Программы** полудекарскихъ испытаній въ Импер. медико-хирургич. академіи 1877—78 гг. Спб. 1878. Тип. А. Граншеля. 8°. 29 стр. (350 экз.) (б. ц.).

5291. **Преобразованія** въ медико-хирург. академіи. Медиц. Вѣстникъ. 1879. 14.

5292. **Медико-хирургическая** или военно-медиц. академія? Е. И. Богдановскій. Голосъ 1881. 155.

5293. **Военно-медицинская** академія. Врач. Вѣдомости. 1881. 25, 27, 44, 45 и 46.

5294. **Преобразование** медико-хирургической академіи. Русск. Вѣдом. 1881. 178.

5295. **Программы** для студентовъ выпускного курса Военно-медицинской академіи на 1882 годъ. Спб. 1882. Русская скоропечатня (К. И. Куна). 8°, 59, 11, VI стр. (480 экз.) Ц. 50 к.

5296. **Отчетъ** медико-хирург. академіи за 1873-й годъ. Русск. Инвалидъ. 1874. 27.

5297. **Фармацевтическое** образованіе въ Россіи. И. С. Бровинъ. Вилен. Вѣстникъ. 1882. 101.

5298. **Фармацевтическая** школа въ Спбургѣ. Врачебн. Вѣдомости. 1880. 425.

5299. **Врачебно-воспитательное** заведеніе д-ра Маляревскаго. Женское образованіе. 1884. 6 и 7; стр. 446—450.

5300. **Открытіе** фельдшерской школы при Владимірскомъ дѣтскомъ приютѣ. Томскія губ. вѣд. 1873. 46.

5301. **Школы** для фельдшеровъ и повивальн. бабокъ въ земствѣ. Москов. Медиц. Газ. 1874. 27; стр. 825.

5302. **Правила** и программы для приѣма малолѣтнихъ въ кievскую военно-фельдшерскую школу. Кіевъ. (Изданіе Н. Я. Оглоблина.) Тип. штаба кiev.-военн. округа. 1880. 8°. 30 стр. Ц. 200.

5303. **Образованіе** фельдшеровъ. Донъ. 1881. 53; (17 мая).

5304. **Фельдшерская** школа. Воронеж. Телеграфъ. 1877. № 12.

5305. **О фельдшерскихъ** школахъ при воен. госпиталяхъ и лазаретахъ. А. Малининъ. Врач. Вѣдомости. 1880. 445.

5306. **Фельдшерская** школа въ Воронежѣ. Воронежскій Телеграфъ. 1881. 120.

5307. **По поводу** доклада Екатеринославской губ. земской управы объ учрежденіи при фельдшерской школѣ Педагогическаго класса. Гласный Еженедѣльникъ. 1873. 46.

5308. **Центральная** школа фельдшеровъ и повив. бабокъ въ Могилевѣ. Д-ръ Талько. Современ. Медицина. 1875. 27; стр. 426—427.

5309. **Фельдшерскія** школы. Современ. Медицина. 1875. 31; стр. 490—491.

5310. **Открытіе** фельдшерской школы при Голицинской больницѣ. Статья **И. Н.** Московскія Вѣдомости. 1876. 317.

5311. **Фельдшерская** школа въ Тамбовѣ. Статья **Г. К.** Тамбовскія губ. вѣд. 1881. 33.

5312. **Херсонская** земская фельдшерская школа въ 1876—1877 acad. году. Новороссійскій Телеграфъ. 1876. 575.

5313. **Матеріалы** для статистики ветерин. образованія въ Россіи. Книги вышедшія въ 1876. Списокъ подписчиковъ на «Архивъ». — Архивъ ветерин. наукъ. 1876. 3; стр. 206—209—231.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 руб.

В. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 р.

К. Негельсбахъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.

Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева.

I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Цѣна 1 руб.

Г. Вржоска.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕДАГОГ. СЕМИНАРІЙ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278, Ц. 1 р. 50 к.

А. Фогель.

ФИЛОС. ОСНОВАНІЯ ПЕДАГОГИИ.

(Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенеке).

Цѣна 1 руб.

І. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. С. Шаровой, подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Цѣна 3 руб.

Я. А. Коменскій.

Janua linguarum reserata.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ.

Лат. текстъ съ русск. перев., статей о Коменскомъ и портр. Коменскаго.

Цѣна 1 руб.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЪ.

Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 к.

E. Fiedler.

ОТНОШЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА КЪ ЛАТИНСКОМУ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Перевель Д. Янчевецкій. Цѣна 25 коп.

БИОЛОГИЯ

и

ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

Перев. съ нѣм. І. Регема. Цѣна 50 коп.

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Вютія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Аполлогія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аенское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аенія. IX. Гиппаракъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

ГОДЪ VIII. Продолжается подписка ГОДЪ VIII.
на 1895 годъ.

„ГИМНАЗІЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

ГОДЪ VIII

— (1888—1895) —

Подписная цѣна:

вмѣстѣ съ „ПЕДАГОГИЧЕСКИМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКОМЪ“

на 12 мѣс. 8 руб. за гран. 10 рубл.

» 6 » 4 » » 5 »

» 3 » 2 » » 3 »

» 1 » 1 » » 1 »

ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА

„Педагогическій Еженедѣльникъ“

на 12 мѣс. 3 р., за гр. 4 р. — к., || на 3 мѣс. 1 р. 50 к., за гр. 2 р.

на 6 мѣс. 2 р., за гр. 2 р. 50 к., || на 1 мѣс. — р. 60 к., за гр. 1 р.

Въ складѣ редакціи имѣются еще полныя экземпляры „ГИМНАЗІИ“ за прежніе годы. Цѣна съ перес.: за 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 г.г. по 3 руб.

за 1893 по 5 руб.

за 1894 по 8 руб.

Адресъ редакціи: Ревель.

Редакторъ-изд. Г. Янчевецкій.